

Алла Макарова.

Норильское восстание

(Май - август 1953 года.)

Почему события лета 1953 года в Норильске мы называем "восстанием"?

События лета 1953 года в Горном лагере МВД СССР вошли в историю под названием "норильское восстание". Мы сознаем неточность этого термина - восставшие не имели оружия, более того, добровольно отказывались от различных попыток вооружить их. Сразу скажем, что нами отвергаются названия "мятеж", "волынка" и "массовое неповиновение заключенных лагадминистрации" - термины, которыми пользовались суд, прокуратура, и лагерная администрация, в соответствии с их желанием видеть в протесте заключенных лишь простой в работе и массовое хулиганство, беспорядок, Анархию в брошенных надзирателями зонах. Смысл и суть норильских событий не исчерпываются и словом "забастовка", хотя основной формой протеста против бесчеловечного режима Горлага летом 1953 года стал отказ заключенных выходить на работу, ибо зародившаяся в зонах ненасильственная оппозиция, вынужденная действовать в рамках советской законности, нашла еще множество (небывалых прежде) форм: митинги и собрания заключенных для выработки общих требований, массовая голодовка, письма, жалобы, заявления, просьбы, обращения в Советское правительство и многое другое, о чем пойдет речь ниже. Можно сказать, что комитетам восставших, взявшим под контроль зоны Горлага, удалось установить максимально демократическое правление, по сути - на короткое время (парадоксально, но факт) создать "республику заключенных". И хотя термин "восстание" также предложен работниками МВД (во время следствия и суда над руководителями комитетов возникла идея квалифицировать их действия как "антисоветское вооруженное контрреволюционное восстание"), мы остановимся все же на нем, подразумевая не вооруженное выступление заключенных, а его противоположность - "восстание духа" - высшее проявление ненасильственного сопротивления бесчеловечной системе ГУЛАГа.

Предпосылки норильского восстания 1953 года.

К весне 1953 года в Норильске, согласно цифрам доклада начальника Норильского комбината инженер-полковника В.С. Зверева "О состоянии режима содержания в лагерях и трудового использования заключенных" на партактиве 16 января 1953 года, было 35 лаготделений и 14 лагпунктов исправительно-трудового лагеря, а также 6 лаготделений Горного лагеря, причем количество заключенных в ИТЛ в 3, 5 раза больше, чем в Горлаге. Число узников Горного лагеря, по разным оценкам, 30 - 40 тысяч человек; очевидно, ближе к истине первая цифра: в номерах заключенных Горного лагеря использовались литеры от "А" до "Я", на каждую литеру приходилось 1000 номеров. Если ИТЛ в Норильске существовал, со всеми традициями и постоянно расширяющейся географией, с 1935 года, с первых дней интенсивного строительства Норильского комбината, то Горный лагерь - детище послевоенных лет - был создан в результате реализации в 1948 году проекта Абакумова и Круглова, в соответствии с указаниями Сталина об организации особлагов "для содержания особо опасных государственных преступников. Уже появились "...на Воркуте - Речлаг, на Колыме - Берлаг, в Тайшете - Озерлаг, в Мордовии - Дубровлаг, в Казахстане - Песчанлаг и Степлаг". С августа 1948 года в Норильске начал свое существование Горлаг. Предшественником его был каторжный лагерь (как и повсюду в СССР, лагеря каторжан были предшественниками особлагов). "Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года, который не публиковался, был введен особый вид наказания - каторжные работы для фашистских убийц, предателей, пособников оккупантов. Осуждали на каторжные работы сроком от 10 до 20 лет военно-полевые суды. Однако война кончилась, а прерогативу военно-полевых судов взяли на себя Особые Совещания, решения которых никакому обжалованию не подлежали. И попасть в эти жернова могли уже не только полицаи, но и просто инакомыслящие, подозрительные..." - как писал Д. Волкогонов в "Триумфе и трагедии". Это же подтверждает Димитрий Панин: "Чекистами были пущены слухи, что в число каторжан попадают только самые матерые изменники, гестаповцы, палачи... Позже, в спецлагах, мы убедились:

опасных и крупных военных преступников, пойманных на оккупированных территориях, посылали на виселицу или расстреливали, а мелочь кидали на каторгу... Каторжники, в основном,- это безвредные украинские крестьяне, посаженные по доносам". Приговоренных к каторжным работам, ни в производственных зонах, ни в жилых не смешивали с обычными заключенными. На одежду каторжан нашивались номера. Их бараки закрывались на ночь. За малейшую провинность каторжан бросали в карцер, причем не на 10 дней (обычное наказание в ИТЛ), а на месяц. Даже тюрьмы для них строились отдельно. В окнах бараков устанавливались решетки. Рабочий день каторжан официально длился 10 часов, но из-за неорганизованности охраны, задержек в пути и на вахтах растягивался до 12-14 часов (выход в 7, возвращение в 21 час). Труд их до 1947 года совершенно не оплачивался, с 1947-го по март 1952 года им выплачивалось премвознаграждение - от 30 до 90 руб. в месяц. Зачеты рабочих дней на каторжан не распространялись. С 1946 года даже инвалидов-каторжан не освобождали от тяжелой работы, их также принуждали к непосильному физическому труду. Из Норильска на "материк" их не вывозили, поэтому инвалиды в каторжных зонах составляли 10 - 15 процентов (по данным Б. А. Шамаева: в 3-м лаготделений Горлага в 1953 году из 3, 6 тысячи каторжан более 400 были инвалидами). Каторжанам запрещалось получение писем, посылок, денежных переводов от родных. Секретность существования каторжных лагерей, отсутствие прокурорского надзора (свидетельство Б.А. Шамаева: "За восемь лет наш лагерь не посетил ни один прокурор"; даже прокуратура Норильского ИТЛ, по свидетельству Е.В. Павловского, не имела права вмешиваться в дела каторжан и затем всего Горного лагеря) - все это приводило к полной бесконтрольности, по сути - к беспределу в режиме содержания и эксплуатации труда каторжан. Все эти страшные черты ужесточенного режима каторжных лагерей 1944 - 1948 гг. (в Норильске каторжные лагеря начинались, по воспоминаниям В.А. Арниса и С.Г. Головки, с двух бараков в 6-м лаготделений в 1944 году), отличавшие их от обычных ИТЛ, и были широкомасштабно перенесены в государственные особорежимные лагеря при их создании в 1948 году, в том числе - в Горлаг. Отличия были невелики: сняли запрет на письма, разрешив писать 2 письма в год; увеличили с 10 до 12 сантиметров высоту номеров на верхней одежде; подняли и высоту заборов, увеличили проволочные ограждения. Каторжный лагерь, строивший большую обогатительную фабрику, почти полностью был передан в Горный лагерь и назван 3-м лаготделением (каторжанским). К началу 1953 года в Норильске, в составе Горного лагеря, было шесть крупных (3, 5 - 6 тысяч человек) лаготделений. География их такова: 1-е лаготделение, мужское, располагалось в зоне рудника "Медвежий ручей", 2-е лаготделение, мужское,- на Кайеркане, вело работы на шахте № 18 и в Кайерканстрое, 3-е лаготделение, мужское,- между бутовым карьером и цементным заводом в поселке Кирпичном, работало на строительстве и добыче стройматериалов, 4-е лаготделение, тоже мужское,- неподалеку от строящегося (первая очередь сдана в 1949 году) медного завода, в районе сегодняшних норильских улиц Бегичева и Хантайской, а 5-е лаготделение (мужское) и 6-е лаготделение (женское) - по обе стороны старого кирпичного завода, в районе сегодняшних норильских улиц Лауреатов, Кирова и Павлова, были заняты работами на строительстве города, производстве кирпича, добыче глины и т.п. В женском лаготделений, выгороженная проволочным забором, существовала еще зона каторжанок - примерно на 500 человек. Сильно изменился в эти годы состав лагерного населения: за колючей проволокой оказалось немало солдат и офицеров - участников Великой Отечественной войны, партизан, узников фашистских концлагерей - бывших военнопленных, жителей оккупированных немцами территорий, арестованных нередко "по подозрению" или "за намерение" и названных "изменниками Родины", "пособниками палачей". Смотревшие смерти в глаза, прошедшие через войну, перенесшие голод и множество тягот, они были совсем иным поколением, чем лагерники 30-х годов. Начиная с августа 1948 года, узники в особорежимные лагеря не только ежегодно завозились тысячами, но и рекрутировались по статейным признакам из уже существующих исправительно-трудовых лагерей. Сюда переводили осужденных по ст. 58-1а, 58-1б, 58-10, 58-11 и другим пунктам статьи 58, чаще всего участников национальных движений сопротивления из различных областей Украины и Белоруссии, республик Прибалтики, в том числе и зарубежного Сопротивления - из Франции, Чехословакии, Польши, Югославии, нередко оstarбайтеров и взятых немцами в плен, бежавших из фашистских концлагерей и попавших к партизанам советских подданных или эмигрировавших из Советской России в послереволюционное время беженцев и их детей, подданных других государств. Иностранцев в каждом лаготделений (немцев, поляков, венгров и др.) было несколько сотен (по свидетельству П. Венгрова, в 1-м лаготделений Горлага на Медвежке среди 8 тысяч заключенных было 300 иностранцев; по данным же В.Н. Третьякова, в 4-м лаготделений в 1948 - 49 гг. из 8 тысяч заключенных примерно треть составляли иностранцы, всего же он насчитал в Норильске в лагерях заключенных 68 национальностей). Немало осужденных попадало сюда из депортированных народов - чеченцев, греков, крымских татар, немцев Поволжья и других. После окончания войны с Японией попали сюда и японские военнопленные, а также члены семей русских железнодорожников, обслуживавших КВЖД (воспоминания Л. Ф. Суховеевой-Волчановской и др.). Не иссякали потоки осужденных по статье 58-10, в том числе - осужденных повторно. Уже в зоне, лагерным судом и Таймырским окрсудом за "антисоветские высказывания" (воспоминания Е. В. Павловского)11, по ст. 58-14-за "саботаж", иногда - за побег из лагеря, а чаще просто за отказ от непосильного физического труда, ст. 59-2 и 58-11 - по доносам стукачей якобы за "создание контрреволюционных повстанческих организаций в лагере", готовивших "антисоветский переворот, восстание" (воспоминания В.Г. Воробьева). Надуманные процессы по ложным доносам создавали иллюзию энергичной работы оперативно-чекистских отделов в

лагерях и позволяли фабриковать дела многократно судимых "тяжеловесов" - им к уже имевшимся 8 - 10-летним срокам прибавлялись 15 - 25-летние новые, так что совокупность сроков ужасала: она доходила до 50 - 75 лет лишения свободы! (Типичный пример - судьба Павла Андреевича Френкеля из 1-го лаготделения Горлага, четырежды судимого по статье 58, приговоренного в совокупности к 55 годам лагерей). Во многих лаготделениях Норильлага, еще начиная с 30-х годов, "бал правила", как и в других советских лагерях, так называемая "отрицаловка" - ворье, уголовники, бандиты, для которых тюрьмы и лагеря - что дом родной. Администрация охотно назначала их на "хлебные" и "непыльные" должности: бригадирами, нарядчиками, десятниками, табельщиками, кладовщиками, поварами, считая своими первыми помощниками в поддержании лагерного режима. И они поддерживали в прямом смысле "палочную дисциплину" - бригадиры и их помощники из уголовников, вооружившись ножами и палками, выгоняли бригады на развод из барак, команда "вылетай без последнего" означала, что последний, т.е. замешкавшийся при выходе на работу, будет бит палками). Ненавистью и презрением отличалось отношение уголовников к работягам-"мужикам", интеллигентам-"придуркам" и прочим "фрайерам", осужденным по ст. 58, покорно сносившим побои, ограбления и издевательства вора. По традиции попытались перенести такие порядки в Горный лагерь, но не тут-то было. В этапах бывших фронтовиков, не сломленных морально и физически, среди объединенных прочными узами землячества западных украинцев, белорусов, эстонцев, литовцев, латышей уже на пересыльных пунктах уголовники стали встречать отпор так называемых "злых фрайеров" - всех тех же осужденных по ст. 58. Оказалось, что политзаключенные могут объединяться, они теперь не желают быть покорными и сносить унижения, больше того - объединившись, представляют собой силу! В Горном лагере уголовники главенствующую роли не играли - их было, во-первых, во много раз меньше, чем политзаключенных (зато попадали в Горлаг исключительно "тяжеловесы" - убийцы, бандиты-рецидивисты, осужденные, скажем, за побег по ст. 58., но от этого не ставшие, конечно, "политическими"); во-вторых, они вынуждены были уважать умеющих дать отпор; в-третьих, с "хлебными" и "непыльными" должностями приходилось расставаться, чаще всего - не добровольно... Особо ретивые помощники лагадминистрации, как правило, "неизвестными лицами" и "при невыясненных обстоятельствах" могли быть избиты, самые жестокие - убиты. Например, в 1-м лаготделении Горлага были убиты старший нарядчик Мисявичюс и бригадир Дорош, в 3-м лаготделении - нарядчик Кучеревский и т.д. После введения смертной казни за лагерные убийства, в марте-апреле 1953 года, в канун восстания, пошли случаи избиений. Например, на Медвежке были избиты бригадиры из заключенных Хабаров, Лебедев, Аласкеров, Иваниди, Даниленко, Степанов, Попов, старший нормировщик ППЧ Поясок, культорг Евдокимов, мастер цеха Семенов. В результате в Горном лагере в канун восстания доноительство и провокации стукачей стали непопулярны. Ведь раньше в Норильлаге опасно было делиться своими мыслями даже с товарищем, который ел с тобой из одной миски. Теперь же стало возможным о многом говорить вслух. Если в довоенных лагерях трусливые и слабые, "ортодоксальные" и прочие, соглашаясь на сотрудничество с оперативно-чекистскими отделами, покупали себе таким образом лишнюю пайку и держали в страхе своих товарищей, то к весне 1953 года "щупальца" оперчекотделов в Горлаге оказались обрубленными либо парализованными: сексоты, напуганные лагерными убийствами, замолчали, информация от них перестала поступать. Лагадминистрации пришлось "спрятать" своих лучших помощников - уголовников и стукачей - в штрафные изоляторы и откармливать там для предстоящей кровавой "работы". Камеры, где отсиживались бандиты, заключенные окрестили "молотобойками" или "молотилками". Не дай Бог, было попасть в ШИЗО: надзиратели поодиночке бросали строптивых в камеру "молотобойцев", и те начинали свою "потеху" - били, за руки и за ноги подбрасывали несчастного кверху и бросали на цементный пол, кололи ножами, давили и т.п. Товарищи не могли прийти на помощь избиваемым: камеры на запоре, под охраной надзирателей, а сам штрафной изолятор вынесен за зону и отделен от нее колючкой. Теми же "кулачными" и "палочными" методами дознания пользовались работники оперчекотделов. Палками били узников при водворении в штрафные изоляторы надзиратели и охрана. А конвойные в пути на работу и с работы подгоняли заключенных прикладами, травили собаками, ставили в грязь на колени (воспоминания Л. Л. Павлова, А. М. Любченко, С. Г. Головки и др.). А после того, как солдатам разрешили по своему усмотрению применять огнестрельное оружие (в случае "опасности") да еще начали давать премии и отпуска за "ликвидацию возможного побега или прорыва зоны" (пример - дело В.И. Цыганкова, см. следующую главу), чаще и чаще стали звучать выстрелы на производственных объектах, при движении колонн заключенных и даже в жилых зонах, где прежде применение оружия запрещалось. К весне 1953 года отношения охраны и заключенных Горлага обостряются. Напряжение нагнетает пропаганда - политзанятия, лозунги, плакаты, газеты и журналы. Всеми средствами вдалбливается в сознание охранников, что перед ними - особо опасные государственные преступники, изверги, нелюди, "палачи и каратели советского народа". Пропаганда истерически поддерживает страх и ненависть молодых солдат к лагерникам, поощряет жестокое обращение с заключенными и порицает за гуманность. Бесчеловечный режим ГУЛАГа, беспредел лагерной администрации и охраны, унижение и подавление личности, безнадёжность огромных сроков - все это должно было сломить любого и физически, и морально. Но лагерь становился уже иными, да и время наступало иное. Начало. Агитаторы и провокаторы. Карагандинский этап. История норильского восстания ставит перед ее исследователями множество вопросов. Первый из них: было ли восстание заранее подготовлено, организовано (лагерными активистами, агитаторами, забастовочными комитетами), скоординировано по срокам или вспыхнуло

внезапно, стихийно? Есть еще версия - восстание было спровоцировано, и многие факты подтверждают это. Где же истина? Попробуем разобраться, помня о том, что участники норильского восстания к моменту начала событий не были однородной массой - хватало сомневающихся, равнодушных ко всему, запуганных и подавленных. Имелись у забастовки явные и тайные противники, активные и не очень активные сторонники. Словом, событие это - многослойное, сложно складывающееся, особенно в самом начале, пока движущие силы только еще определялись. Считается, что "вирус мятежа", по выражению А.И. Солженицына, привез в Норильск карагандинский этап. В нем были собраны заключенные из Степлага и Песчанлага - особорежимных лагерей близ Караганды и Тайшета, 1200 человек. Среди них - участники лагерных волнений, стычек с уголовниками, побегов. После подавления в карагандинских лагерях волнений заключенных в 1952 году арестованные и отправленные "для усмирения" в Заполярье, они считали своей задачей "нести дальше факел свободы", как написал один из них - Евгений Степанович Грицяк. Карагандинский этап приплыл по Енисею в Дудинку 8 сентября 1952 года и в тот же день был перевезен в Норильск: 500 карагандинцев направили на Медвежку в 1-е лаготделение Горлага, 700 - в Горстрой, к старому кирпичному заводу, в 5-е лаготделение. Всем им были даны новые номера, с литерами "У" либо "Ф", чтобы сразу отличить среди прочих заключенных. Они действительно отличались от старожиллов норильских лагерей и даже от заключенных Горного лагеря. В этапе было много западных украинцев - участников национальных движений сопротивления оккупантам, жителей Прибалтийских республик, молодых, смелых, непокорных. Если прежде норильские заключенные, надрываясь на тяжелых работах, даже участвовали в трудовом соревновании, им ведомо было чувство гордости, за все построенное ими в Норильске, то карагандинцы трудились на объектах без всякого желания, о соревновании и не помышляли, а многие вообще отказывались от работы. Были такие, которые прятались от надзирателей, не ходили на работу, а агитировали заключенных каждой бригады бастовать. Они рисковали попасть за агитацию и отказ от работы в БУР или ШИЗО, но не боялись этого, сознательно выбирая не покорность, а противодействие. (Типичный пример - судьба литовского музыканта Юозаса Лукшиса: он попал с карагандинским этапом в Норильск, в 1-е лаготделение Горлага, и пробыл в Норильске год, причем за отказ от работы и агитацию за забастовку половину срока провел в БУРе, более 140 суток - в карцере). Именно карагандинцы стали организаторами борьбы с прислужниками лагерной администрации: смутные слухи, неясные следы указывали на это, но ни разу администрации не удалось найти виновников убийств стукачей, избиений бригадиров. В подготовке и проведении норильского восстания роль карагандинского этапа, безусловно, велика: им удалось изменить сам "климат" Горлага. Естественно, что одни из них (Евгений Грицяк, Тарас Супрунюк, Иван Воробьев и другие) стали членами забастовочных комитетов, другие - авторами лозунгов, обращений, требований, третьи - участниками переговоров с комиссиями МВД. Были и такие, что, не входя формально в комитеты, руководили забастовкой, незаметно подсказывая решения, подталкивая к нужным действиям. В воспоминаниях Г. Климовича, Ю. Лукшиса, Е. Грицяка и других есть факты, говорящие о том, что будущие руководители забастовки думали о ее организации, агитаторы будили сознание масс, читая по баракам стихи, рассказывая о концлагерях СССР, устанавливая связи между зонами с помощью записок, ожидая такого момента, случая, который всколыхнет массу заключенных. "Работали" лучше всякой пропаганды и агитации рассказы прибывших в том же самом 1952 году заключенных Ухтижмлага - "организаторов и подстрекателей там массовой голодовки, в которую было вовлечено свыше 1000 человек", активных участников групповых беспорядков на строительстве железной дороги Салехард - Игарка, тоже переведенных в Норильск в 1952 году, и заключенных из Омкстроя, где при нападении на лагерную администрацию были убиты надзиратель и офицер-оперативник. Новичков тоже жадно слушали, и вспыхивала надежда: "Может, и у нас в Норильске?.." Становится ясно, что занесенный сюда "вирус мятежа" попал в благодатную почву, иначе ничего не сумели бы изменить 1200 узников одного этапа в 30-тысячном лагере даже за год. Норильчане - старожилы Горлага - не были инертны: ежегодно - десятки побегов (правда, в большинстве неудачные), переполненные штрафные изоляторы говорили об этом же. Отказы от работы случались бригадами и колоннами. Рассказывал бывший заключенный Горлага Л.Л. Павлов о конвоирах, которые специально водили колонну заключенных в Горстрой грязной дорогой через тундру, то и дело командуя: "Лечь! встать! Лечь! встать!" Издевательство продолжалось до тех пор, пока колонна не отказалась повиниться: заключенные лежали на земле и не поднимались, так что конвой был вынужден вызвать начальство для принятия мер и объяснения, почему колонна вовремя не прибыла на объект. В тот раз догадливое начальство сменило конвоиров... И все же случаи неповиновения были относительно редки, решались на это, по сравнению с общей массой, единицы. Задача же агитаторов была - пробудить сознание именно массы, чтобы начать общелагерную забастовку: с единичными протестами чекисты расправлялись легко и быстро. Немалую тяжесть с покорных душ сняла смерть Сталина 5 марта 1953 года. В лагерях с нетерпением ждали ослабления режима, пересмотра дел невинно осужденных. Но амнистию в конце марта дали только уголовникам и заключенным с малыми сроками лишения свободы (а таких в Горлаге было очень мало: 2-3 человека в бригаде). Ожидания заключенных по статье 58 оказались обманутыми, и это вызвало разочарование обиду, гнев, резко ускорило начало восстания. Предгрозовую атмосферу в лагере ощущали все, в том числе оперативно-чекистские отделы каждой зоны. Из Москвы в Норильск докатывались отголоски борьбы Берии за власть в новом правительстве. Начатая в марте же 1953 года реорганизация с объединением МГБ и МВД в одно министерство грозила отменой некоторых льгот (в частности, двойных окладов), сокращением штатов. "Ведомству страха" следовало срочно

доказать новому правительству свою незаменимость, по отработанным схемам раскрыв "заговоры" с пугающе серьезными контрреволюционными целями или подавив "антисоветские восстания". При отсутствии таковых и "заговоры", и "восстания" умели организовать, а там, где были для них предпосылки, и ощущалось неопределенное брожение, - ускорить события, чтобы дальше, опять по отработанной схеме, изъять и примерно наказать зачинщиков, а остальных заставить еще ниже склонить головы и согнуть спины. Какие конкретные действия были предприняты оперчеркотделами и лагадминистрацией Горлага в Норильске? Вот отрывок из жалобы И.С. Касилова, заключенного 1-го лаготделения Горлага, о подготовке провокационного мятежа и о товарище, Ставре Георгиевиче Вольяно, случайно раскрывшем план провокации: "...примерно 9 мая 1953 года з/к Вольяно был посажен в ШИЗО. Находясь в изоляторе, Вольяно каким-то образом узнал о том, что в этом изоляторе находится группа заключенных, завербованных работниками оперативного отдела для производства так называемой "волынки". Эта группа получила инструктаж от работников оперативного отдела и администрации лагеря, как и когда, начинать так называемые "массовые беспорядки". 22 мая з/к Вольяно был выпущен из ШИЗО, отсидев срок. Надо заметить, что в это время, т.е. между 20 и 25 мая, из всех штрафных изоляторов и БУРов Горного лагеря были выпущены ранее содержавшиеся в них, чтобы эта озлобленная и завербованная масса смогла начать беспорядки. Так как с Вольяно я был очень хорошо знаком по двухгодичному пребыванию в одной бригаде, то при встрече на руднике "Медвежий ручей" Вольяно сказал мне: "Иван, готовится ужасное дело. Люди, которым все верят (кому это все верят и кто такие, которые верят, я не знал), завербованы оперотделом, чтобы подвести массу заключенных под расстрел". Я был чрезвычайно поражен этим, т.к. до этого не подозревал, что в лагере что-то готовится. Услышав об этом, я посоветовал Вольяно, чтобы он оповестил заключенных... Вольяно страшно перепугался и начал упрашивать меня, чтобы я никому ничего не говорил об услышанном, т.к. в противном случае нас немедля убьют... Уже 26 - 27 мая в жилую зону 1-го лаготделения были занесены 200 ломов и топоров, чтобы устроить страшную резню. Но благодаря тому, что некоторые лагерники поняли провокацию, резни не произошло. Причем весьма интересно отметить, что вокруг зоны срочно была выставлена дополнительная охрана, (солдаты стояли на расстоянии 10 метров друг от друга), чтобы во время резни заключенные не могли выскочить за зону. 1 июня в производственной зоне рудника "Медвежий ручей" группой в шесть человек, одетых в бушлаты с номерами, была предпринята попытка взорвать главный трансформатор на ГПП, питающей электроэнергией рудник "Медвежий ручей" и рудник 3/6. Когда же заключенные, заметившие диверсантов, хотели поймать их, тогда эта группа пустилась наутек и была пропущена сквозь колючую проволоку. Часовой, стоявший на вышке, огня не открыл..." Ясно, что участие в провокации принимала и лагерная администрация. Практически во всех лаготделениях управленцы покинули свои рабочие места без каких-либо угроз или принуждений со стороны заключенных, скорее даже - демонстративно и организованно, собрав папки с бумагами и уничтожив те, что следовало уничтожить, прихватив с собой счеты из бухгалтерии, мундштуки от оркестровых инструментов в КВЧ, ключи от шкафов с лекарствами, сейфов и кладовых... Можно было бы проигнорировать подозрения Ивана Касилова и Ставра Вольяно, если бы не развитие цепи провокаций в 1-м лаготделении, не дальнейшая судьба этих заключенных. Вот что пишет дальше И.С. Касилов: "Четвертого июня для того, чтобы возбудить спокойно сидящих заключенных, а также для того, чтобы под этой маркой ввести в зону пожарные машины для создания дебоша, по заданию оперотдела Горлага был подожжен стационар (больница) с больными. В этот же день у одного из заключенных жилой зоны я увидел самодельный пистолет (двуствольный под патрон от обыкновенной винтовки) и гранату. В этот же день по лагерю стали ходить усиленные разговоры о том, что "теперь и через проволоку лезть можно, и то ничего не будет...". В этот же день я понял, что услышанное мной 22 мая от з/к Вольяно является страшной правдой..." Помогло ему правильно разобраться в сути происходящего известие о расстреле заключенных в этот же самый день, 4 июня, в 3-м лаготделении Горлага возле штрафного изолятора. О событиях там подробно рассказал в своих письмах в "Мемориал" Б.А. Шамаев, что дало возможность сравнить происходящее в разных лаготделениях У ГЛ. Сразу бросаются в глаза похожие черты, "сходство почерка" в работе лагадминистрации, оперативников, охраны. Перескажем только факты. В конце мая 1953 года в штрафной изолятор 3-го лаготделения переведены 24 бандита с большими сроками - Мамаев, Себесяк, Вепштас и другие. В камере № 3 ими организована "молотилка". 2 или 3 июня оперуполномоченный зоны Калашников лично передал в эту камеру завернутые в полотенце ножи (об этом сообщил в своем заявлении правительственной комиссии дневальный оперчасти Бузинский). В этот день каторжан в неуточное время сняли с объектов и возвратили в лагерь. К возвращению заключенных в жилую зону охрана усилена, установлены пулеметы. 3 июня каторжан на работу не выводили. На собрании заключенных, отвечая на их вопросы, начальник лаготделения капитан Тархов заявил, что "ничего не произошло", "всем дан на время производственный отдых", а усиленная охрана - "это вас не касается". 4 июня надзиратели ШИЗО попытались втолкнуть в камеру № 3 к "молотобойцам" заключенных Милова и И. Смирнова. Те подняли отчаянный крик, увидев в руках бандитов ножи: "Помогите, убивают!" Их товарищам по заключению в изоляторе, во главе с Иваном Воробьевым, удалось выбить дверь камеры и вырваться в коридор, а затем вместе с Миловым и И. Смирновым во дворик ШИЗО. Бандиты через заранее прорезанную ножами в потолке дыру бежали из ШИЗО в дивизион охраны и были пропущены сквозь проволоку. Солдаты с палками в руках бросились избивать выбежавших во двор, тяжело ранили в голову И. Воробьева. Все это происходило на глазах у каторжан, стоявших у

проволочного ограждения ШИЗО. В конце концов, Милов, И. Смирнов и другие, вырвавшись из рук солдат, бежали в зону и спрятались в бараках. Когда все чуть успокоилось и начали расходиться, командир дивизиона майор Полстяной приказал открыть огонь по заключенным зоны. Результат: 4 убитых, 17 раненых, из которых 2 вскоре умерли от ран. Администрация тут же покинула зону, отключив при этом электроэнергию (что серьезно затруднило работу больницы и кухни). Те же известные методы: березовые палки для избияния, ножи, камера-"молотилка", бандиты в роли провокаторов, спасающая их охрана и спасающаяся лагадминистрация. Изощенный опыт провокаций, накопленный лагерной системой СССР за десятилетия, как видим, широко применялся в Горлаге и давал обычно именно те результаты, на которые и рассчитывали чекисты. Но в мае-июне 1953 года события вырвались из-под их контроля. Провокации в июне в 1-м и 3-м лаготделениях - это как бы вторая волна событий, первая же прокатилась в мае, и тогда главными действующими лицами были солдаты конвойных войск, почти одновременно стрелявшие по заключенным в разных зонах. 23 мая 1953 года при погрузке в машину заключенных для отправки этапа из 1-го лаготделения старший лейтенант Ширяев застрелил одного и тяжело ранил другого (двое верующих не хотели разлучаться и просили позволить им либо вместе уехать, либо вместе остаться. Дату и подробности происшествия дает П. Венгров, находившийся в том самом 2-м лагпункте 1-го лаготделения, где все это случилось. Есть упоминания об этом и в материалах Е. Грицьяка, И. Касилова, воспоминаниях Б. Златкуса и других. 25 мая 1953 года конвой должен был доставить из штрафного изолятора 4-го лаготделения в 5-е лаготделение колонну заключенных из 16 человек. Конфликт начался уже при посадке в машину: вместо того чтобы разрешить заключенным сесть на свои вещи, конвой приказал сложить вещи подле машины (в весеннюю грязь), а потом кинуть в кузов. Как только первый мешок бросили в машину, его сразу же заключенные выбросили обратно. Тогда помощник командира взвода Цыганков приказал вещи отправить машиной, заключенных - пешком. Многие из них были обуты в тряпичные "бурки" (их шили из рваных рукавов списанных телогреек), а один даже в тапочках. Но Цыганков не обратил внимания на то, как были обуты заключенные, как и на то, что вести их через тундру грязной весенней дорогой в такой обуви нельзя. Отойдя метров 60 - 70 от вахты, заключенные остановились перед лужей (потом старший оперуполномоченный 4-го лаготделения Цуркан на схеме покажет ее размеры: 8x12 метров) и отказались продолжать путь, прося вызвать старшего офицера. Конвой посадил их на снег. Увидевший это с вахты Цыганков (его смена уже закончилась) отправился к месту происшествия, решив принять командование на себя. Разбираться в конфликте он не стал, спросил только: "Кто зачинщик?" Конвойные указали на среднего в первой пятерке заключенного с номером "Ф-630". "Первая пятерка, встать!" - приказал Цыганков. Заключенные не двигались. Не встал и узник номер Ф-630, когда Цыганков повторил ему свое приказание. Сержант выстрелил в голову этого заключенного почти в упор. Это был Эмиль Петрович Софроник, немец, 25 лет, осужденный к 10 годам лишения свободы по ст. 58-2, в Норильск он прибыл с карагандинским этапом. Остальные заключенные после убийства Софроника по команде конвоя пошли через лужу... Даже полтора года спустя сержант В.И. Цыганков, русский, 25 лет (ровесник Софроника), образование 2 классов, из крестьян, был убежден в том, что "применил оружие правильно". Сохранилось его письмо от 6 сентября 1954 года, отражающее типичное настроение рядового состава воинской части 7580, литера "И" (командир А. Чижевский) в Норильске: "Нас информировали, что заключенные 4-го лаготделения готовят план разоружения нашего батальона. По ихнему плану намечалось: вечером в период, когда одна часть батальона находилась на службе, вторая - выйдет на смену первой, третья - будет конвоировать заключенных к месту работы и обратно, сделать "рывок" при выводе на работу вечерней смены и, ворвавшись в воинскую часть, завладеть оставшимся оружием и боеприпасами... развивать свои действия до захвата Норильска и Дудинки в свои руки, после чего связаться по радио с США... Нас непрерывно предупреждали, что готовится к групповому побегу большая группа заключенных. Когда и где будет побег, сообщить нам не могли. Но информировали, что уже все готово к побегу и ждут только удобного момента. Удобнее момента, как 25 мая 1953 года, им и не нужно было, потому что у нас был банно-хозяйственный день, и в подразделениях никого не было, все были в бане. Офицерский состав уехал на машинах на обед, и если бы заключенные 70-го квартала, сделали рывок на соединение с заключенными, которые были за зоной (16 человек), то их никто бы не остановил, потому что конвой оружие применять не мог, а на помощь прийти некому было. Неужели я обязан был ждать этого момента? Хотя бы даже не было заключенных в 70-м квартале, неужели я должен ждать, когда заключенные бросятся на конвой?" Ущербность рассуждений запуганного пропагандой сержанта особенно очевидна в сравнении с сохранившимися в архивах документами о норильском восстании. Они убедительно доказывают, что узники Горлага и не помышляли ни о каком "рывке" и разоружении дивизиона охраны, а страхи насчет связи по радио с Америкой просто смешны... О том, что послужило причиной забастовки в 5-м лаготделении Горлага, расскажем словами заместителя прокурора Норильлага тех лет Е.В. Павловского и бывшего заключенного этого лаготделения В.Н. Третьякова. 29. Версия первого официального, это взгляд на события извне, у второго - изнутри, из зоны. Из письма Е.В. Павловского известно, что "...в конце мая 1953 года начальник караула сержант Дьяков днем шел проверять посты-вышки вокруг 5-го лаготделения. На крыльце барака в зоне заключенные стали смеяться над ним, выкрикивать "ты сталинский ублюдок", оскорблять, ругать его. Тут Дьяков психанул, дал очередь из автомата по заключенным. Было убито 3 и ранено 7. Этот случай послужил сигналом к восстанию всех заключенных 5-го лаготделения, в котором содержалось 5 тысяч человек". В книге Е. Грицьяка, на с. 112, о том же событии рассказано так: "25 мая 1953 года в 5-м лаготделении, был открыт

огонь из автомата по группе заключенных, которые находились у жилого барака. Из них 6 человек были ранены и один убит..."В воспоминаниях Г. Климовича о том же: "На завалинке барака сидели лагерники, провожая взглядами колонну женщин, шедшую с работы, пели под аккордеон народную украинскую песню "Як на горі тай женці жнуть". Начальнику конвоя поведение этих лагерников показалось вызывающим, и он дал по ним прицельную автоматную очередь. Четыре человека были убиты наповал..."Разночтения вызваны, очевидно, тем, что в мае 1953 года и Е. Грицяк, и Г. Климович были заключенными 4-го лаготделения (в нескольких километрах от 5-го лаготделения) и непосредственными очевидцами событий быть не могли, как, скажем, В.Н. Третьяков, на глазах которого это произошло. Вот его воспоминания: "С десятого марта 1953 года меня отправили в 5-ю зону Горного лагеря, до этого полгода сидел в изоляторе за отказ от общих работ. В 5-м лаготделении я работал поваром. Пятая зона - бараков 40, с одной улицей, располагалась между кирпичным заводом и оцеплением Горстроя, на западной окраине города, впоследствии там была железнодорожная станция на Талнах. Я опишу день 26 мая 1953 года. Весна была ранняя, уже ходили в легком одеянии. Вечером я получил продукты со склада и пригнал лошадку с телегой к конюшне. Было часов 7 вечера. Недалеко стоял барак крайний - его специально отвели для освобождающихся: недели за две до освобождения людей переводили сюда из 1-й, 2-й и 4-й зон. Я пошел навестить знакомого по Медвежке Ивана Мосина, который на днях освобождался, и заодно поглазеть на женщин: их привели, человек 300, в ночную смену на КиБЗ, и они стояли у вахты, от барака метрах в 20 - 25. На крыльце барака и возле собралось сотни четыре мужчин, кажется, звучала гармонь. У некоторых среди женщин были знакомые, родственницы или односельчанки, они переговаривались. Мы с Иваном сидели в бараке у окна друг против друга; рядом с ним, ближе к окошку, парень ел овсяную кашу из котелка. Был он без рубахи, я еще похвалил его спортивное телосложение. Вдруг прозвучала автоматная очередь, длинная, я успел услышать хлопки по окну и заметить три или четыре пулевых отверстия, с лучами, побежавшими по стеклу. Парень, евший кашу, вскрикнул, схватившись за раненую руку, помню - левую. Опрометью я выскочил на крыльцо, перепрыгнув двух-трех лежавших и услышав несколько кричавших раненых. Я побежал вслед за толпой к своей кухне... Да и на кухне было страшно: три пули влетели в окно с вышки и ударились в обмуровку котла, близко одна от другой. Некуда деться было и на кухне: стены-то дощатые, засыпаны опилками, а убойную силу ружейной пули здесь, конечно, все знали. Из бани вышли шесть офицеров? (штабы были вынесены за зону, а при бане оборудовано несколько кабинетов, где они принимали зэков). Их начала, было, разъяренная толпа толкать. Положение спас тот самый парень с раненой рукой, о котором я рассказывал выше. Мимо как раз несли к санчасти раненых и убитых. И до сих пор я помню его властные слова: "Не троньте эту свору во имя наших несчастных товарищей",- он указал на проносимые мимо жертвы. Начальство бегом бросилось на вахту. На забор изолятора под свист и улюлюканье карабкался надзиратель Мартынов по кличке "Змей Горыныч" (все знали, что он и на собственную жену писал заявление, дескать, "ведет антисоветские разговоры"). Через полчаса компрессорная Горстроя стала давать длинные гудки. Над двухэтажным бароком появился большой черный флаг, были флаги и на башенных кранах. По запретке - коридору между зоной и оцеплением Горстроя - стояли кучки солдат, появились и "синепогонники" - охрана лагеря ИТЛ (нас охраняли "красные"). На крыше штаба и на вышках устанавливали "максимы". Солнце уже не садилось, было жутко, тревожно. На кухне мы все делали молча, автоматически. На другой день с утра по радио зазвучали призывы выходить на работу, а потом - за зону. Целый день во дворе штаба жгли бумаги..." (Кстати, почти дословно вторит ему Б.А. Шамаев из 3-го лаготделения: "В течение 1, 2 и 3 июня оперработники Воронцов и Калашников, как указывалось в заявлениях дневальных опергруппы заключенных Бузинского и Айвозьяна, выносили из жилой зоны и даже сжигали в бараке № 28 множество каких-то документов". Готовились к тому, что на время покинут зону?) Расстрелу 26 мая в 5-м лаготделении уделено больше внимания, потому что именно он стал поводом для начала забастовки. Ни ночная, ни утренняя смена заключенных на работу не вышли. Практически сразу поддержали мужчин женщины из 6-го лаготделения. Ночная смена 26 мая возвратилась в лаготделение и закрыла ворота, не выпустила утреннюю смену из зоны. А узнав о том, что бастующим вдвое уменьшается норма питания, женщины решили объявить общую голодовку: баланду вылили на землю, двери кухни забили досками крест-накрест. Вероятно, решение это было принято опрометчиво: ослабевшие от голода женщины - паек и без того был совсем невелик - во время забастовки лежали на нарах в своих бараках. Выдержать испытание оказалось очень трудно. Голодали женщины 7 дней, по другим воспоминаниям - даже 10 дней. Первые выводы, которые можно сделать, сопоставив даты и факты: норильское восстание началось стихийно и не одновременно. 4-е лаготделение (3, 5 тысячи человек) и оставшиеся в оцеплении Горстроя 1, 5 тысячи заключенных отказались от работы 25 мая, после убийства Эмилия Софроника. 5-я и 6-я зоны забастовали в ночь с 26 на 27 мая - после расстрела Дьяковым заключенных в жилой зоне 5-го лаготделения (есть также сведения об убийстве женщины - заключенной 6-го лаготделения Горлага - "при попытке побега": она подошла к запретке высыпать из ведра золу). Что касается 1-го лаготделения, то оно включилось в забастовку лишь во второй половине дня 1 июня, а каторжане (3-е лаготделение Горлага) - 4 июня, после инцидента у штрафного изолятора и расстрела, заключенных в жилой зоне. Легенда об одновременном начале забастовки, якобы с разницей в несколько часов, не подтверждается, она была выгодна, скорее всего, "усмирителям" для доказательства умысла, заранее спланированного "антисоветского мятежа". Поводом послужили убийства лагерников солдатами охраны, стрельба по жилым зонам лагерей,

провокации оперативно-чекистских отделов, решивших "организовать" восстание с целью выявления и изоляции активных лагерников. Тогда, в 1953 году, лучше многих других понял это заключенный 1-го лаготделения Иван Стефанович Касилов и сделал вывод: "Ни в одном из лаготделений Горлага заключенные не бастовали по собственной инициативе, а были втянуты в "волюнку" при помощи мерзких провокаций и неприкрыто оголтелых террористических актов со стороны работников МВД". Глубинные же причины норильского восстания - в бесчеловечном режиме особорежимного лагеря, вызвавшем массовый протест заключенных. Требования заключенных. Комитеты. По-разному начавшись во всех лаготделениях Горлага, норильское восстание и продолжалось везде неодинаково. В два этапа протекало оно в 4-м, 5-м и 6-м лаготделениях, начавшись в конце мая и, как свидетельствуют воспоминания и публикации, вновь возобновившись после двухнедельного перерыва с 22 - 24 июня. А в каторжанском 3-м лаготделении забастовка, не прекращаясь ни на один день, длилась ровно два месяца - с 4 июня по 4 августа. Не было второго этапа забастовки в 1-м лаготделений на Медвежке - она длилась с 1 по 13 июня и не возобновлялась. Менее недели продолжалась забастовка во 2-м лаготделений Горлага - на Кайеркане. По воспоминаниям Б.С. Костинского, здесь "...узнали от вольнонаемных из поселка о забастовке на Медвежке. Дней через 5 - 6 и мы не вышли на работу. Был избран комитет, но почему-то не додумались до создания самоохранны. Просто не выходили на работу (нашими обычными объектами были шахта № 18, котлованы Кайерканстроя, погрузочно-разгрузочные работы на узкоколейке). Когда солдаты с двух сторон разрезали проволоку и вошли в лагерь, мы даже не успели толком понять, что произошло. Случилось это примерно на пятый день забастовки. Я стоял на крыльце бани с Г.А. Чудновским, старым лагерником, и видел, как буквально за два часа собрали наших активистов (в их числе был мой товарищ по этапу Михаил Хаютин, который до ареста работал в Политуправлении морского флота) и человек 50 с вещами куда-то увезли. Потом оказалось, что их отправили на Колыму, оттуда они писали в лагерь". В остальных пяти лаготделениях Горлага логика развития событий тоже подсказала в самом начале событий решение - создать руководящие центры забастовки. Чаще всего они назывались комитетами, а на Медвежке - представительством, поскольку в него входили представители от бараков, бригад, национальных групп. Первые комитеты были созданы уже в ночь с 25 на 26 мая - в оцеплении Горстроя, где осталась на объекте часть лагерников, и в 4-м лаготделений. До конца мая определились руководители комитетов и их состав в 5-м мужском и 6-м женском лаготделениях. На третий-четвертый день забастовки появились комитеты в 1-м и 3-м лаготделениях, т.е. 4 и 8 июня. Одинаковая черта всех избранных комитетов - их многонациональность. Например, в 4-м лаготделений в комитет входили украинцы Грицяк, Клятченко, Степанюк, Шур, Николишин, Лубинец, русские Недоростков, Трофимов, Стригин, белорусы Климович и Ермолович, чеченец Гуков, армянин Елоян, серб Джурович, поляк Квальян, еврей Сальников, литовец Петрушайтис. В женском 6-м лаготделений - литовка Мартинкуте, латышка Дауге, эстонка Тофри, украинки Зелинская, Нич, Мазепа, Павлюк, Вовк, белоруска Софронович и т.д. Делалось так затем, чтобы как можно полнее учесть интересы всех национальных групп и землячеств при выработке требований заключенных. Это стало первой задачей комитета. Поскольку местное начальство к этому времени полностью скомпрометировало себя в глазах заключенных, лагерники требовали приезда московской правительственной комиссии. В том, что комиссия из Москвы прилетит, сомнений не было, общей была решимость на работу не выходить до приезда комиссии. Ко времени ее прибытия нужно было выработать и четко сформулировать свои требования, чтобы сразу дать ответ комиссии на вопрос: "Чего хотят заключенные?" Но уже на первом этапе возникли разногласия: имеют ли право заключенные требовать или только просить? Воспитанные системой многолетнего террора, привыкшие к полному бесправию, старые лагерники осторожно советовали просить. Но задор первых дней забастовки одерживал верх, главенствующим поначалу было настроение "западников" - жителей Прибалтийских республик, западных областей Украины и Белоруссии, не знавших Советской власти с 1917 года и потому морально и физически не сломленных, несущих в себе и чувство человеческого достоинства, и христианскую веру, и демократическую убежденность: требовать имеет право любой человек. Потому первые лозунги, плакаты, обращения к властям имели именно форму требований, они жестче, непримиримее, чем последующие, когда верх возьмут осторожность и стремление действовать исключительно в рамках советской законности. В женском 6-м лаготделений Горлага забастовка началась под лозунгом: "Свободу - народам и Человеку!" В 3-м лаготделений Горлага после расстрела 4 июня (он произошел в 18 часов 45 минут) уже к 20 часам у клуба был прибит большой щит, на котором написано: "Москва, правительству. 1) Требуем правительственную комиссию. 2) Требуем сурового наказания виновников расстрела заключенных. 3) Требуем уважения прав человека!". Но вскоре от первых лозунгов и плакатов, которые чекистами могли быть названы антисоветскими (например, "Долой тюрьмы и лагеря!", "Требуем вернуть нас к нашим семьям!" в 3-м лаготделений Горлага), от черных флагов, вывешенных в знак траура по погибшим товарищам и ставших символом отказа подчиняться местной власти, лагерники перешли к лозунгам и плакатам только советского содержания (например, "Слава Коммунистической партии!", "Да здравствуют мир и дружба всех народов!" и т.д. в 1-м лаготделений). Черные флаги заменены красными с черным крепом (например, в 3-м лаготделении, как сообщил Бенюс Балайка: "Флаг был сшит из шести простыней - четырех красных и двух черных. Поднятый над двухэтажным баракком на девятиметровую высоту, флаг был виден всему Норильску. Флаг этот я сам поднимал"). Чтобы дискредитировать забастовку заключенных в глазах вольнонаемного населения Норильска и солдат МВД, чекистами был пущен слух, что, черно-

красные флаги являются якобы опознавательными знаками для иностранных самолетов, прилета которых будто бы ожидают заключенные в зонах...Решение о замене лозунгов и флагов принималось комитетами, ими же вырабатывались требования лагерников. Несмотря на споры (просить или требовать), смену заголовков и частичное редактирование первоначальных текстов требований ("Почему мы бастуем" в 1-м лаготделении, "Жалоба Советскому правительству" в 3-м лаготделении), они остались в памяти участников норильского восстания и в истории его именно как требования. В каждом лаготделении они состояли из 12 - 18 пунктов.До сих пор некоторые считают, что требования заключенных носили, в основном, экономический характер, (Л. Трус. "Лагерная экономика") поскольку включали такие пункты, как уменьшение длительности рабочего дня (вместо 10 - 12-часового лагерники требовали 7 - 8-часового рабочего дня), выплата заработанных денег (половину на лицевой счет, половину на руки), применение зачетов, улучшение бытовых условий, медицинского обслуживания и культурно-воспитательной работы. Да, такие пункты включались в общий перечень требований, но главной роли не играли ни по количеству, ни по своему значению, и можно говорить об ошибочности авторского вывода. Главные требования заключенным были не экономическими, а политическими. Общими для всех лаготделений стали такие пункты: пересмотреть дела политзаключенных, наказать виновников произвола - работников МВД-МГБ, отменить ношение номеров на одежде, снять с окон барачных решеток и с дверей замки, превращающие жилье в тюремную камеру, не ограничивать переписку с родными двумя письмами в год, а разрешить писать по желанию - кто, сколько хочет, отправить на "материк инвалидов, больных, женщин и стариков, вывезти на родину иностранцев, отменить бесчеловечные наказания (кандалы, "ледяной карцер") и "собачье вожделение", гарантировать безопасность делегатам лагерников, ведущим переговоры с комиссиями МВД.Кроме того, в 4-м лаготделении прозвучали требования сменить руководство Горлага, прекратить расстрелы и прочий произвол в лагерях тюрьмах, отменить решения ОСО как неконституционного органа, прекратить избиения и пытки на следствии и практику закрытых судебных процессов, организовать пересмотр особых дел всех политзаключенных. В оцеплении Горстроя, где оставалась часть лагерников того же 4-го лаготделения, требовали освободить из лагерей и реабилитировать заключенных, являвшихся участниками или жертвами Великой Отечественной войны, отменить 25-летние сроки заключения, освободить осужденных за происхождение (дворян, детей кулаков и т.п.), а также всех тех, кто до 1939 года не имел советского подданства, осужденных за намерения, а не действия, по подозрению и т.п. В 5-м лаготделении предлагали разрешить лагерникам свободный доступ к женщинам соседней зоны, право пользоваться книгами из городской библиотеки. В 1-м лаготделении добивались "ликвидации Особого Совещания как вопиющего беззакония" заключенные, оставшиеся в производственной зоне рудника "Медвежий ручей", а председатель комитета (представительства) заключенных в жилой зоне П.А. Френкель настаивал на том, чтобы превратить Норильск в поселение колониального типа, отодвинув километров на 20 вышки, убрав проволоку и освободив заключенных для проживания в пределах Норильска.Совершенно очевидно, что перед нами требования изменить не экономику, а политику - бесчеловечную политику репрессий в СССР. Очевидно также, что заключенные требовали для себя не просто элементарных человеческих прав, а полного изменения двуличной и предельно жестокой лагерной системы подавления личности, подавления свободы. "Долой каторгу! Долой концлагеря, культурно называемые Горлагом - недаром этими словами заканчивался текст требований 1-го лаготделения.Как видим, единых требований в Горном лагере, общих для всех заключенных, не было, т.к. не существовало предварительной договоренности между зонами, и это - еще одно доказательство стихийного начала) забастовки. А сходство требований в большинстве зон объясняется одинаково непереносимыми условиями существования в них заключенных и желанием изменить этот режим.В окончательной редакции, после обсуждения на общих собраниях, сбора подписей лагерников по баракам и бригадам (правда, так делали не во всех лаготделениях, например, в 1-й зоне решили подписей не ставить вообще), после многократного переписывания в комитетах часть политических требований была снята или заменена более умеренными (например, в 1-м лаготделении требование ликвидировать Особое Совещание как вопиющее беззаконие заменено предложением превратить Норильск в колониальное поселение и т.п.). Как это ни парадоксально, комитеты сыграли не революционизирующую роль в выдвижении требований и претензий заключенных, а скорее наоборот - сдерживающую. Они стремились найти "золотую середину" между настроениями экстремистов, готовых к прорыву зоны чуть ли не голыми руками, и умеренной осторожностью едва пробудившейся от "спячки" общей массы. Очевидно, комитетам уловить этот настрой удалось - с помощью смены лозунгов, флагов, требований. Доказательство: основная масса лагерников не вышла из зон, когда каждому было предоставлено право самостоятельно обдумать происходящее и сделать выбор - уйти или остаться; во всех лаготделениях отказались от участия в забастовке, по разным оценкам, от 1 до 20 процентов заключенных, подавляющее же большинство осталось с комитетами в бастующих зонах.Конечно, нелегко было на это решиться. Тем более что у части заключенных, арестованных в 1943 - 1945 гг., уже подошли к концу восьми и десятилетние сроки заключения; и осужденные позже, в 1946 - 1948 гг., также успели отбыть большую часть наказания. Поэтому на многократные призывы лагадминистрации, обращенные к лагерникам по радио (говорят, что громкоговорители не выключались даже ночью), часть из них сразу откликнулась. Вышли и те, кто просто испытывал страх, кто не верил в действенность такого средства, как забастовка, и предвидел жестокую расправу. В большинстве лаготделений "малосрочникам" не препятствовал никто - они имели право выйти

из лагеря (кроме 1-го лаготделения), остальных же комитетчики активно агитировали остаться в зоне. Когда во всех зонах лагадминистрация и надзорсостав вышли за вахту, оставив лаготделения, как говорится, на произвол судьбы, уверенные в том, что заключенные попадут без них во власть анархии, что начнутся грабежи, террор, поджоги и прочие нарушения порядка, можно себе представить, сколько проблем обрушилось на комитеты - хозяйственных, национальных, социальных. Комитеты стали органами законодательными и исполнительными, охраняющими и карательными. Наличие этих проблем определило структуру комитетов. Как правило, во всех лаготделениях члены комитета делили обязанности так: были избраны ответственные за информацию, агитацию и пропаганду, ответственные за работу кухни, бани, прачечной, ремонт барачков, уборку территории и прочие хозяйственные дела, ответственные за работу медчасти, ответственные за культурно-воспитательную работу (чаще всего ее продолжали вести ранее назначенные культурными заключенными, например, в 1-м лаготделении Б.А. Евдокимов, в 4-м лаготделении - Г.С. Климович, Е.С. Грицяк и другие; в дни забастовки в лагерных клубах шли репетиции кружков, спевки хора, работали библиотеки, ставились концерты, организовывались спортивные соревнования; были даже спектакли, например, с большим успехом шесть раз подряд прошел "Назар Стодоля" Тараса Шевченко в 4-м лаготделении). В 1-м, 3-м, 4-м, 5-м и 6-м лаготделениях были также созданы отделы самообороны лагеря - охраны из заключенных, посменно несущих караульную службу для предотвращения пожаров и прочих бедствий, а также для предупреждения провокаций со стороны лагадминистрации и оперативно-чекистских отделов (например, в 1-м лаготделении был предотвращен пожар больницы, взрыв трансформатора и рельсов железной дороги; там же в туманную ночь 6 июня была прорезана проволока и один из офицеров попытался зайти в зону необычным образом - задом наперед, оставляя следы на свежеснеженном снегу таким образом, чтобы создать видимость чьего-либо побега из зоны. Эти провокации и многие другие предотвращены добровольной охраной лагеря). Можно говорить о таком парадоксальном явлении, необходимом в тех условиях, как охрана заключенными начальников лаготделения и прочих представителей лагадминистрации: при обходе зоны любые лица из ведомства МВД обязательно сопровождалась караулом из заключенных. Интересно, что даже лозунг соответствующего содержания появился, скажем, в 3-м лаготделении: "Товарищи! Будьте вежливы в обращении с лагадминистрацией и солдатами!". Особенно четко была поставлена охрана порядка в 1-м лаготделении и каторжанском 3-м лаготделении: лагерь разбит на четыре участка, назначены (более 80 человек) старшие секций, барачков, участков, указаны места круглосуточных постов и патрулей. Замечательной дисциплине в этих добровольных формированиях, организованных по типу воинских батальонов и рот, позавидовала даже комиссия МВД, прибывшая в лагерь. Патрули и наблюдатели ничем не вооружались. Правда, в зонах всегда под рукой были кирпичи, ими обкладывались края дорожек. Лагерники опасались, и не без основания, что забастовка может быть подавлена с помощью переброски в зону колонны уголовников, вооруженных ножами и палками. На этот случай кирпичи стоило иметь под рукой, их разрешил даже комитет 3-го лаготделения, особенно заботившийся о том, чтобы избежать любых конфликтов, провокаций, беспорядков, чтобы не дать возможности лагадминистрации тут же ввести в зону войска. Но кирпич, заготовленный против ввода бандитов, в 3-м лаготделении не понадобился вообще. Функции патрулей (в 3-м лаготделении их называли самоохраной, в 1-м лаготделении отрядами самообороны и т.д.) сводились к круглосуточному наблюдению за подступами к лагерю, что бы в случае опасности поднять тревогу, и ночному патрулированию внутри зоны. Они заботились о поддержании порядка, не давали распоясаться ворами и бандитам, оставшимся в зонах, выпущенным из изоляторов (некоторых в 3-м лаготделении даже запирали и охраняли от возможной мести лагерников, у которых раньше ворье отбирало или крало вещи и продукты, по сообщению С.Г. Головки). Спустя год, в июне 1954 года, в зале, где постоянная сессия Красноярского краевого суда в Норильске собралась для вынесения приговора четырем руководителям забастовки на Медвежке, один из подсудимых, И.С. Касилов, попросил свидетелей, тоже заключенных, ответить на такие вопросы: "Видел ли ты какие-либо беспорядки в нашем лагере в период так называемой "волынки"?.. Когда, по твоему мнению, в нашем лагере было больше порядка, и заключенные чувствовали себя более безопасно - в предшествующий "волынке" период, когда управляла администрация, или в период "волынки"? На первый вопрос от каждого свидетеля последовал ответ: "Нет". На последний вопрос каждый из свидетелей ответил, что "в период так называемой "волынки" в нашем лагере порядка было больше, и заключенные себя чувствовали более безопасно...". То же самое могли бы сказать лагерники и в других зонах - во время ожидания московской комиссии не было в лагерях ни террора уголовников, ни дебошей, ни поножовщины, ни даже единой драки. Вспоминает Б.А. Шамаев: "Заключенные (3-го лаготделения Горлага) занимались ремонтом барачков, уборкой территории, ежедневно передавали справки, сводки для лагадминистрации, непрерывно работали сапожная и ремонтно-пошивочная мастерская, баня, проводилась плановая санобработка барачков, других строений и помещений, функционировали амбулатория, больница, обслуживались прикованные к постели хронические больные и инвалиды, регулярно работала пищеблок. После истечения 40 дней со дня гибели 7 заключенных (расстрел у ШИЗО 4 июня) в клубе устраивались концерты силами художественной самодеятельности, словом, шла нормальная мирная жизнь". (В этом не было бы ничего удивительного, если только не знать, что в зоне с первого дня забастовки была отключена электроэнергия, паек заключенным вдвое сокращен, т.е. люди, по сути голодали, а охрана запретила вход в лагерь вольнонаемному медперсоналу.) Все это дает право говорить о "республике заключенных", как назвал ее один из участников норильского восстания Л.А.

Пожарский, бывший заключенный Горлага, из карагандинского этапа, в своих воспоминаниях он также рассказывал о демократическом порядке и сознательной дисциплине во время забастовки. Создавая отряды самообороны, наводя порядок в зонах, комитеты не могли не предвидеть возможных экстремистских выходов со стороны наиболее непримиримо, чересчур революционно настроенных заключенных. Например, в 4-м лаготделении бывший до ареста офицером Иван Стригин и литовец Витас Петрушайтис агитировали за прорыв зоны бульдозером. Горячие головы, предлагавшие начать "освобождение всего Норильска" с помощью вооруженного восстания, нашлись и в 1-м лаг-отделении. А в 3-м лаготделении сложилась непростая ситуация внутри комитета: председатель Борис Шамаев всеми средствами вел агитацию за протест в рамках советских законов, за мирное ожидание правительственной комиссии, а его заместитель Иван Воробьев (бывший участник Отечественной войны, танкист, Герой Советского Союза, прибыл в Норильск с карагандинским этапом, во время инцидента в ШИЗО 4 июня ранен в голову, после выхода из больницы вошел в состав комитета) тайком организовал в подвале барака кузницу, где уголовники изготавливали из бывших оконных решеток пики и ножи. Комитет закрыл и опечатал кузницу, но Воробьев с заключенными Игнатьевым, Рудиком, Головки и другими оборудовал с той же целью подвал в другом бараке. Уже после подавления восстания, изготовленные ими две сотни пик и 6 ножей из опечатанной кузницы стали "вещественным доказательством" якобы "упорного двухчасового сопротивления заключенных" автоматчикам. (Впоследствии на суде, разумеется, не было учтено, что И.Е. Воробьева за этот поступок исключили из состава комитета. "Вещественные доказательства" усугубили вину не только Воробьева и Игнатьева, но и остальных членов комитета.) Всеми силами стремились комитеты к сохранению единства заключенных, поддержанию спокойного настроения, уверенности, оптимизма в массах. Пожалуй, это и было главным - помочь людям преодолеть в душе страх, угнетенность от непривычной свободы в окруженной пулеметами зоне и тревожное ожидание неминуемой расплаты. Очень большую роль в этом сыграли агитационно-пропагандистские отделы. Это они разъясняли по баракам решения комитета и общих собраний, готовили концерты и проводили спортивные соревнования, переписывали требования заключенных, оформляли лагерь лозунгами и плакатами, выпускали листовки (а для этого, например, в 3-м лаготделении потребовалось создание типографии - отливка и гравировка Петром Миколайчуком самодельного шрифта, сбор запасов бумаги, приготовление краски; остроумно решена была проблема распространения листовок - их привязывали плотно скрученным ватным жгутом к бумажному воздушному змею, а поджигала шнур самокрутка с махоркой; когда догоревший шнур развязывался, пачка листовок, уже высоко поднятая змеем над Норильском, разлеталась по ветру). Листовки - обращения к норильчанам, к солдатам войск МВД - выпускались по разным поводам, содержание их было всегда кратким и емким. Например, 27 июня выпущена первая листовка каторжан: "Нас расстреливают и морят голодом. Мы добиваемся правительственной комиссии. Просим советских граждан сообщить правительству о произволе над заключенными в Норильске. Каторжане Горлага". В обвинительном заключении следователь Ушацкий и затем судья Кокшаров в приговоре Красноярского краевого суда даже сетовали на то, что листовок заключенными было выпущено несколько тысяч, "в результате чего Норильск был наводнен листовками...". Иногда листовки выпускались в стихах. Удивительным явлением было творчество в Горлаге во время норильского восстания. На авторов не мог не подействовать общий подъем духа, ощущение ответственности за судьбы не только лагерников Норильска, но еще шире - за всю страну, ее настоящее и будущее. Стихи писались, если можно так сказать, по социальному заказу: поводом были смерть Сталина, арест Берии, события самого норильского восстания. Писались они по горячим следам, непрофессиональными поэтами. Но есть в этих стихах и текстах песен замечательно талантливые, образные строчки, ощущение причастности к небывалому, историческому событию. Таковы стихи Владимира Межевича "Пришел конец вам, бериевская свора..." и "Письмо отцу-коммунисту" Леонарда Доронина (оба из 3-го лаготделения), гимн литовцу - участнику восстания из 1-го лаготделения (на литовском языке, слова ксендза Чесловаса Кавалаяускаса: "В небе ветреном Севера Витис воспрянул..."), а также текст "Гимна норильчан - участников восстания 1953 года", известный всему Горлагу (автор - Григорий Сергеевич Климович из 4-го лаготделения Горлага):

Не страшны нам тиранства большевизма,

Мы знаем горе свыше всяких мер.

Известны нам все ужасы чекизма.

И стон людской на землях СССР...

Мы стали рядом, брат около брата,

За право жить без тюрем и цепей.

Напрасно смерть дышала с автоматов

И псы рычали в ярости своей...

В крови зэка омыта наша слава

В режимных зонах Горных лагерей.

Из тьмы встает свободная держава.

Огни Норильска не погаснут в ней...

Дыханье жертв комиссии московской

Мы возродим, напомним о себе.

И черный флаг с кровавою полоской

Осветит путь нам в праведной борьбе!

Были свои поэты и у женщин в 6-м лаготделении, например, у Стефании Коваль поражает сочетание фольклорного песенного мотива с гневной и скорбной публицистикой в стихотворении "Гей на Івана, гей на Купала...":

Гей на Івана, гей на Купала

З шестой зони вас виганяли,

Кого у тюрми, кого за дроти

На каторжанськи тяжки робота...

Ой та, Іване, опам'ятайся!

Життям дівочим не розкидайся!

Бо літ дівочих не повернута...

Муки Норильска нам не забути.

Стихи сыграли, конечно, немалую роль в работе комитетов восставших.

Из истории норильского восстания известно, что московская комиссия и управление Горного лагеря от уговоров заключенных довольно быстро перешли к угрозам, рассчитывая запугать узников, заставить их смириться с положением рабов. Участились провокации в зонах, и это говорило о том, что поднимают головы оставшиеся в лаготделениях стукачи и прочие пособники лагадминистрации. Для борьбы с ними комитеты вынуждены были организовать отделы расследований, специальные комиссии, свою контрразведку - по-разному они назывались, но занимались, по сути дела, одним и тем же: поиском провокаторов, расследованием их черной деятельности, списков стукачей. В 1-м лаготделении отдел расследований был создан 4 июня, сразу после поджога стационара с больными, в него вошли Богдан Галема, Ставр Вольяно, Анатолий Быковский. Устав от провокаций стукачей, которые попытались организовать резню между чеченцами и кубанскими казаками, а затем между украинцами и поляками, в 4-м лаготделении приняли решение создать специальную комиссию и вскрыть сейфы оперативного отдела в поисках списков стукачей. Как сообщает в своих воспоминаниях Г.С. Климович, специальная комиссия была создана 1 июня, она вскрыла сейфы оперотдела и была поражена результатами: в списках оказалось 620 человек - каждый пятый лагерник был завербован. Конечно, большинство не столько "работало", сколько числилось и даром ело хлеб оперчекотдела, стремясь не причинить вреда товарищам доносами. Но трое оказались настоящими сексотами, их следовало изолировать. Комитет решил вызвать стукачей на

общее собрание заключенных и там решать судьбу каждого. Трех вывели за зону, остальные написали покаянные письма, объясняя, как и почему они стали стукачами, т.е. дважды жертвами лагерного режима (эти письма потом будут переданы московской комиссии). Члены комитетов, занимавшиеся расследованием деятельности оперотделов и их пособников из заключенных, после подавления норильского восстания подверглись особенно жестоким преследованиям. Во Владимирскую тюрьму попали Богдан Галема (1-е лаготделение), Роман Загоруйко (3-е лаготделение), члены спецкомиссии "4-го лаготделения юрист Коваленко и бывший ленинградец Кузнецов. Жизнью поплатились за полное и точное знание о готовящихся провокациях члены комитета 1-го лаготделения Вольяно и Быковский: отправленные после подавления забастовки в лагерь на "Купец", они оба были найдены там вскоре повешенными, убийство списали как "самоубийство" и постарались замять. Как написал в своей жалобе в Верховный суд РСФСР Иван Стефанович Касилов в декабре 1954 года, "Вольяно Ставр, считавший полковника Кузнецова истинно приехавшим для наведения порядка, написал этому Кузнецову план-предложение быстрой аннуляции норильских беспорядков, в котором указывал также, что подлинными виновниками их возникновения являются некоторые работники из оперотдела и администрации Горлага. Но на лагпункте "Купец" оперативным отделом было устроено так, что всякая бумажка или жалоба, которая кем бы то ни было, направлялась Кузнецову или другим членам московской комиссии, сперва проходила через руки определенной группы провокаторов из числа заключенных, завербованных оперативным отделом, которые, прочтя бумагу, решили, как им поступить с написанным. Таким образом, документ Вольяно Ставра попал в руки этих людей, и они сразу же повесили Вольяно, а с ним и Быковского, как неразлучного товарища Вольяно по совместному пребыванию на лагпункте "Купец" и коллегу по наведению порядка в 1-м лаготделении Горлага в период так называемой "волюнки". Отделами контрразведки, созданными при комитетах во время норильского восстания, собраны и расследованы многие факты провокаций и нарушений советской законности оперативно-чекистскими работниками и лагадминистрацией УГП. Сделано это было впервые. Доказательства неблагоприятной роли чекистов в прошедших в Норильске событиях, жестоких и страшных методов их работы были представлены московской комиссии. В Москву эти документы переданы, разумеется, не были, а по замкнутому кругу возвращены в руки тех следователей Горлага, которые были известны созданием "дутых процессов", садистскими методами следствия, о которых как раз шла речь в жалобах заключенных и материалах отделов расследований. По сравнению с чекистскими методами поражают гуманностью, бережным отношением к человеку методы работы комиссий и отделов расследования, созданных заключенными. Допросы стукачей - разумеется, без побоев, содержание в изоляторе даже тех, чья вина перед товарищами вполне очевидна и велика, - не более суток, а затем - либо просьба оставить зону и выйти за вахту, или - в случае, если заключенный решил остаться в зоне, - охрана его от возможной мести обиженных. Практически во всех лаготделениях общие собрания, обсуждавшие проступки стукачей, вынесли решения: "Старые грехи всем прощаются, новые - не простятся". При этом возможность наказания была у всех, и право - тоже, и доказательства чужой вины - налицо. Но не был никто даже избит, хотя чекисты усиленно пытались распространять слухи о "зверствах" заключенных, так что даже директор Норильского комбината в своих воспоминаниях написал: "Я не могу забыть, как в 1953 году оголтелые бандеровцы и власовцы зарезали 20 молодых, только мобилизованных и неопытных солдат из охраны, вывесили черные флаги и требовали освобождения". Никакими документами не подтверждается это "злодеяние", его просто не было. И круглая цифра, и глухое непонимание сути забастовки заключенных, и начальственная убежденность А.Б. Логинова в том, что бесплатные рабы комбината - "власовцы" и "бандеровцы", следовательно, бандиты и нелюди, способные "зарезать", как уголовники, - все это говорит вновь только о лживости пропаганды и зашоренности сознания даже неглупых руководителей, о незнании ими истинного положения дел. Ни в одном из лаготделении Горного лагеря, вывесивших черные траурные флаги в память о гибели заключенных и требовавших пересмотра дел (впоследствии три четверти этих "власовцев" и "бандеровцев" будут освобождены из Горлага как невинно репрессированные), пальцем не тронули солдат-новобранцев. Все было как раз наоборот: автоматным и пулеметным огнем поливали безоружных заключенных солдаты-новобранцы, пригнанные на подавление "контрреволюционного саботажа", и жертвы оказались вдесятеро больше - только среди заключенных. Комитеты, стремившиеся предотвратить массовые расстрелы заключенных, не везде смогли этого добиться. Если в 1-м и 4-м лаготделениях заключенные, выполняя последний приказ комитетов, вышли из жилых зон и расстрел не состоялся, если против женщин 6-го лаготделения оружие применить не посмели, а пустили в зону пожарные машины, то в 5-м и 3-м лаготделениях кровопролития избежать не удалось. Жертвы были велики. Поскольку, достоверных сведений о норильском восстании не публиковалось в течение почти 40 лет, а оперативно-чекистские отделы и управление Горного лагеря оказались кровно заинтересованными в сокрытии правды, не удивительно, что события жаркого лета 1953 года в Норильске обросли слухами и легендами. Развеять их могут только факты. Попытаемся изложить их в виде хроники норильского восстания, основываясь на публикациях воспоминаний, письмах бывших узников Горлага и архивных документах.

Хроника норильского восстания.

21 мая. 2-е лаготделение Горлага. По распоряжению генерала Семенова, начальника Горлага, сюда переброшены вооруженные ножами бандиты-беспредельщики. В результате резни в зоне - жертвы. По этой причине лагерники не выходили на работу 5 дней.

23 мая. 1-е лаготделение. При отправке на этап группы лагерников старшим лейтенантом Ширяевым застрелен один заключенный и тяжело ранен в голову второй (оба были верующие, просили не разлучать их). Ширяев в порядке поощрения вскоре будет назначен начальником центрального изолятора (ШИЗО) Горлага в 4-м лаготделении.

25 мая. 4-е лаготделение. При конвоировании колонны (16 человек) из центрального ШИЗО Горлага в 5-е лаготделение сержантом Цыганковым убит заключенный Ф-630 - Эмиль Петрович Софроник. Тело его на машине отправлено в больницу в 4-е лаготделение. Слух об этом тотчас распространился по зонам: в воспоминаниях Г.С. Климовича упоминается Петр Климчук, у Е.С.Грицяка - Петр Сафронюк, у И.С. Касилова - Сапронюк. (Два месяца спустя лагерный суд полностью оправдывает В.И.Цыганкова "за отсутствием в его действиях состава преступления", тот демобилизуется с похвальным листом и станет милиционером в Краснодаре).

26 мая. 5-е лаготделение. Начальником караула сержантом Дьяковым открыт огонь из автомата по заключенным, стоявшим у жилого барака, напротив производственной зоны КиБЗа, где, отделенная от мужской зоны проволочным ограждением, стояла колонна женщин, приведенных под конвоем на работу. Автоматные очереди прошли стены и окна барака, убив и ранив до десятка заключенных, которые отдыхали, ужинали и т.д. Группа лагерников отправилась к администрации с требованием вызвать комиссию из Москвы. Администрация бежала за вахту.

6-е лаготделение (женское) в знак солидарности с мужчинами из 5-го лаготделения тоже объявило забастовку. Ночная смена отозвана в лагерь с производственных объектов, утренняя смена не вышла из зоны. Начало массовой голодовки.

4-е лаготделение. Утренняя смена не выходила на работу. Ночная смена в лагерь не возвратилась, оставшись в оцеплении Горстроя, на строительстве Горстроя, почти в центре Норильска. Вывешены верные флаги. Состоялись похороны убитого заключенного на территории лагеря, лагадминистрации его решили не отдавать.

Созданы забастовочные комитеты в оцеплении Горстроя, в жилой зоне 4-го лаготделения, в 5-м и 6-м лаготделениях Горлага.

27 мая. Во 2-м лаготделении (на Кайеркане) забастовка кончилась арестом наиболее активных лагерников - около 50 человек вывезены из зоны.

3-е лаготделение. Из нелегально поступивших записок каторжане узнают о забастовке, решают морально поддержать ее, но на работу выходить. В штрафной изолятор, отделенный от зоны проволочным ограждением, переводят группу бандитов-беспредельщиков, которые организуют камеру-"молотилку".

4-е лаготделение. К бастующим обращается по радио начальник Горлага генерал Семенов с призывами выйти на работу. Над зоной и оцеплением Горстроя разбрасывают листовки с призывами "не слушать бандитов и авантюристов из комитета". Комитеты заняты подготовкой к переговорам с начальством, выработкой требований заключенных.

5-е лаготделение. Заключенные отказались разговаривать с генералом Семеновым и майором Желваковым, им вручены требования заключенных.

28 мая. Из Красноярска прилетел с комиссией генерал-лейтенант Панюков, бывший начальник Норильского комбината и ИТЛ, он предлагает заключенным выйти на работу. В 5-м лаготделении его освистали, в 6-м лаготделении женщины тоже отказались с ним говорить, в 4-м лаготделении и оцеплении Горстроя ему вручили копии требований лагерников.

29 мая. Во всех лаготделениях появились листовки: "Не слушайте провокаторов ИТР!" Это работа комиссии Панюкова. Заключенные пишут ответы, чтобы нейтрализовать действие листовок. Появляются самодельные листовки заключенных над оцеплением Горстроя воздушный змей разносит их над

Норильском.

30 мая. 5-е лаготделение. В 10 часов утра четыре пожарные машины и отряд офицеров под командованием генерала Семенова, стреляя, кто вверх, кто в землю перед собой, вошли в зону. Их встретила примерно полторатысячная толпа заключенных. Из задних рядов кто-то крикнул: "Бей их, ребята, окружай! Отрезай от вахты! Смерть палачам!" Офицеры в панике отступили. Пожарные не успели развернуть шланги, пришлось поворачивать машины назад: их встретили градом камней. В суматохе одна машина придавила к столбу офицера Качаева.

31 мая 4-е лаготделение. Лагерники из оцепления Горстроя беседовали с генералом Гоглидзе, прибывшим в зону с комиссией. Беседа результатов не дала. Лагерники вернулись в жилую зону. Их встретили торжественным гудком котельной, как героев, вернувшихся с переднего края борьбы. В лаготделении созданы отряды самообороны для защиты от провокаций.

1 июня. 1-е лаготделение. В 13 часов работники лагерной администрации, собрав папки и бумаги, демонстративно покинули кабинеты, и ушли за вахту. От них стало известно, что утренняя смена - 1400 заключенных - в производственной зоне рудника "Медвежий ручей" от работы отказалась и остается на объекте. (Они так и не уйдут с рудника до конца забастовки.) Дневную смену из жилой зоны не вывели на работу. С рудника переброшена в лаготделение листовка "Почему мы бастуем", в ней изложены требования заключенных⁶⁹.

5-е лаготделение. Здесь многократно звучит по радио предложение тем, чей срок подходит к концу, выходить к вахте с вещами. Собирается несколько сотен человек. Их отправляют в новостроящийся лагерь, но не всех оставляют там, а сортируют: часть получает команду "в зону марш", часть - "в запретку - лицом вниз ложись". Лежачих грузят в машины, накрывают брезентом и увозят на шахту "Западную" в лагерь или на лагпункт "Купец". В этот же день оставшимися в зоне стукачами делается попытка поджечь продовольственный склад. Провокация предотвращена караулом заключенных. Принято решение больше за зону никого не выпускать.

4-е лаготделение. Сорвана попытка стукачей организовать резню, посеяв национальную рознь между чеченцами и кубанскими казаками, украинцами и поляками. Комитет создал специальную комиссию для вскрытия сейфов оперотдела, чтобы изъять списки и обезвредить пособников лагадминистрации. В списках оказалось 620 человек - каждый пятый лагерник. Решили провести над ними открытый суд. Троиخ отправили за зону. Остальные написали покаянные письма "Как я был завербован в стукачи" - для правительственной комиссии 2 июня. 3-е лаготделение. В неурочное время каторжан сняли с объектов и возвратили в зону. К их приходу охрана лагеря усилена, устанавливаются пулеметы.

3 июня. Уже неделю бастуют 4-я, 5-я и 6-я зоны. 3-е лаготделение в этот день не выводили на работу, а держали в лагере целый день под видом производственного отдыха. На собрании заключенных начальник лагеря капитан Тархов не мог объяснить, почему усилена охрана.

В 1-м лаготделении решено создать комитет (представительство), руководить забастовкой заключенные предлагают Павлу Андреевичу Френкелю.

4 июня 1-е лаготделение. Общее собрание заключенных посетили начальник лаготделения майор Нефедьев, начальник контрагентских работ управления Горного лагеря (УГЛ) подполковник Черняк и старший лейтенант медслужбы Павликов. Культорг Евдокимов зачитал документ "Почему мы бастуем". Свои претензии высказала часть заключенных. В это время добровольная охрана лагеря, состоявшая из заключенных, заметила дым над крышей стационара с больными. Лагерники потушили начинавшийся пожар, обнаружив, что причиной его был поджог. Вызванные кем-то заранее пожарные машины не понадобились. Поняв, что это провокация, толпа плотно сомкнула ряды и вытеснила начальство за вахту. Туда же отправлен поджигатель, пойманный заключенными. Администрация на 50 процентов сократила бастующим паек. Лагерники ответили отказом от поверок - надзирателей в зону больше не пускали. В комитете (представительстве) созданы отдел расследований (Галема, Вольяно, Быковский) и агитационно-пропагандистский отдел во главе с Касиловым. В этот день Касилов написал свое обращение к заключенным "Братцы-невольники", желая убедить сомневающихся и боящихся последствий забастовки остаться в зоне, не выходить из лагеря, быть активными.

3-е лаготделение. Бандиты из камеры-"молотилки" затевают конфликт со штрафниками из камеры Ивана Воробьева. Конфликт закончился побегом бандитов из ШИЗО в дивизион охраны и расстрелом заключенных в жилой зоне: убиты 4, ранены 17 человек, из которых 2 умрут от ран. Администрация

покинула зону, отключив электроэнергию. У клуба - лозунги и щит с требованиями заключенных. Вывешен черный флаг.

5 июня. Начиная с этого дня, бастуют все лаготделения Горного лагеря, кроме 2-го, которое уже вышло на работу.

В 1-м лаготделении на расширенном заседании комитета, с приглашением представителей каждого барака и даже секции, заключенные обсуждали поправки Френкеля к документу "Почему мы бастуем" и принимали текст обращения в Президиум Верховного Совета СССР (копия-министру внутренних дел СССР).

В 3-м лаготделении наутро после расстрела никто из надзорсостава и оперработников в зоне не появился и заключенные на работу не вышли. За ночь охрана каторжан еще усилена. На общем собрании в клубе лагерники приняли решение: трупы убитых и умерших от ран администрации не выдавать до приезда московской комиссии, заменить черные флаги на красные с черным крепом, не препятствовать работе кухни, бани и т.д., простить друг другу промахи и проступки (только 14 заключенным предложено покинуть зону: известным стукачам, бригадирам, нарядчикам - они уйдут наутро).

6 июня. Из Москвы прилетела комиссия под руководством председателя - полковника МГБ Кузнецова. В разных лаготделениях он будет рекомендовать себя по-разному: иногда - как личного референта Берии, в других случаях - как начальника тюремного управления МВД. Членов комиссии он представлял так: начальник конвойных войск МВД СССР генерал-лейтенант Сироткин (по другим источникам - Середкин), представители ЦК партии Киселев и Михайлов. Киселев называл себя секретарем комиссии.

В 1-м лаготделении ночью, а она была туманной и снежной, один из офицеров пытался задом наперед войти в зону через прорезанный в проволоке проход, оставляя следы на снегу так, чтобы создалось впечатление побега из зоны. Провокация предотвращена добровольной охраной лагеря из заключенных. Вызванный на место происшествия начальник лагеря Нефедьев объяснить действия офицера и охраны, разрезавшей проволоку в самом глухом углу, за хоздвором, не смог.

3-е лаготделение. В этот день у клуба состоялись похороны заключенных, убитых 4 июня и умерших от ран. На общем собрании в клубе зачитывается и обсуждается первый вариант жалобы каторжан, адресованной правительству СССР и правительственной комиссии. Авторы первоначального текста - заключенные Бондаренко и Колясников.

5-е лаготделение. Здесь появилась прибывшая из Москвы комиссия Кузнецова. Переговоры продолжались почти пять часов. Излагая свои жалобы и претензии, лагерники потребовали вскрыть могилу застреленного солдатами охраны заключенного (откопали похороненного на бугорке в 20 метрах от запретки Александра Попова: в груди его было 4 пули, а в карточке врачебный диагноз - "смерть от разрыва сердца"). Комиссия убедилась в правоте заключенных и заверила, что стрелять в них больше не будут и никого не подвергнут репрессиям за забастовку. Однако из всех пунктов требований комиссия согласилась удовлетворить только некоторые: она разрешила снять с одежды номера, с окон - решетки, с дверей бараков - замки, не ограничивать переписку с родными, уменьшить рабочий день до 8 часов и ввести зачеты, тем самым, уравнивая политзаключенных в правах с уголовниками. Лагерникам было предложено для продолжения переговоров избрать делегатов, а остальным выйти на работу. Комитет (председатель - Павел Михайлович Фильнев, бывший офицер Красной Армии) считал, что на работу не нужно выходить, пока не будет выполнено главное требование - пересмотр дел. Комиссия Кузнецова объяснила, что не имеет полномочий на пересмотр дел на месте, и обещала передать все жалобы в Москву. Большая часть лагерников поверила этому обещанию. Комиссия, несмотря на усталость, пожелала провести ревизию продовольственного склада, ларька, пекарни. Ни воровства, ни недостач на складе не оказалось, а муки в пекарне - даже небольшой излишек. Ревизия под руководством члена комиссии Михайлова продолжалась два дня.

4-е лаготделение. По воспоминаниям Е.С. Грицыка, в этот же день московская комиссия побывала в 4-м лаготделении Горлага. Однако, по воспоминаниям Г.С. Климовича, комиссия Кузнецова побывала у них в последнюю очередь, после того, как посетила прочие лаготделения, - 9 июня.

7 июня. Комиссия Кузнецова побывала в 6-м (женском) лаготделении. Переговоры проходили всюду примерно одинаково: неподалеку от вахты ставились столы, покрытые красной скатертью, по одну сторону садились "генералы", по другую - делегаты от заключенных. За вахтой стояла цепь солдат с автоматами. Всюду Кузнецов требовал немедленного выхода на работу, обещал удовлетворить часть требований заключенных. Криками "ура!" было встречено разрешение комиссии, снять с одежды номера, их тут же

срывали. С такой же радостью встретили разрешение на неограниченную переписку, обещание свиданий с родными. Женщины прекратили голодовку.

3-е лаготделение. В зоне - время анархии, уголовники грабят камеру личных вещей, клуб, отнимают продукты и деньги у некоторых заключенных. На общем собрании каторжане решают создать комитет для руководства забастовкой.

8 июня. В 1-е лаготделение явилась московская комиссия под председательством Кузнецова. Переговоры с ней вели Иван Касилов, Павел Френкель, Михаил Измайлов - члены комитета. Заключенный Дубасов рассказал о побоях и издевательствах оперчекотдела, о "ледяном карцере". Выступали иностранцы, требуя отправки на родину. Комиссия была в зоне 40 минут. Кузнецов объявил, что не имеет времени слушать всех, предложил выбрать 10 делегатов - по 5 человек от жилой и производственной зон, - с которыми комиссия продолжит переговоры вечером. Но ни в этот вечер, ни в следующие дни московская комиссия больше не появилась в 1-м лаготделении. Заключенные решили продолжать забастовку до полного удовлетворения их требований. В 3-м лаготделении избран комитет, председатель - бывший офицер Советской Армии Борис Александрович Шамаев. Агитационно-пропагандистскую работу поручили Леонарду Доронину, хозяйственные и бытовые дела - Цыганкову и Королю, охрану лагеря и ночное патрулирование - Загоруйко и Николаеву. Группа Петра Тарковцаде помогает малограмотным написать индивидуальные жалобы правительственной комиссии.

9 июня. Московская комиссия прибыла в 4-е лаготделение. За стол переговоров с нею сели делегаты от заключенных - Владимир Недоростков, Евгений Грицьяк, Григорий Климович и еще трое лагерников. Они предъявили комиссии требования заключенных. Кузнецов в ультимативной форме потребовал, чтобы лагерники вышли на работу. Они согласились, успокоенные тем, что часть их требований уже удовлетворена, остальные же комиссия передаст в Москву. Кузнецов обещал, что никого не отправят из лагеря до полного удовлетворения требований заключенных, и никто не будет репрессирован.

4-я, 5-я и 6-я зоны вышли на работу (такие сведения сообщил Е.С. Грицьяк, у Г.С.Климовича другая дата выхода на работу - 12 июня).

В 1-м и 3-м лаготделениях Горлага забастовка продолжается. Во двор тюрьмы, находящейся возле 3-го лаготделения, въехали пожарные машины якобы для "усмирения бунта в тюрьме". Группа каторжан бросает в них кирпичи, требуя, чтоб машины уехали. Конфликт пресекает Шамаев. На общем собрании заключенных он объясняет, что тактика каторжан в забастовке должна быть иной: нужно мирно ожидать правительственную комиссию, избегать конфликтов, сопротивление - это авантюра, ведущая к новому расстрелу. Первоначальные лозунги в зоне заменены новыми, советского содержания.

10 июня. 1-е лаготделение Горлага. Заключенным в производственной зоне не выдали паек. Френкель созвал комитет на заседание, решено в знак протеста объявить голодовку. В ответ лагадминистрация отделила жилую зону от производственной, запретной полосой, прервав их связь.

3-е лаготделение. Прибыла московская комиссия, сопровождаемая начальником Горлага Семеновым и лагадминистрацией зоны. От имени всех заключенных член комитета Тарковцаде предложил лагадминистрации покинуть зону, вести переговоры в ее отсутствие. Это пожелание было выполнено. Но Кузнецов отказался подтвердить полномочия комиссии каким-либо документом, отказался обойти лагерь и выслушать ожидавших комиссию у своих барачков в строю заключенных. Зато потребовал немедленно восстановить в зоне "прежний порядок", впустив надзирателей и оперработников, завтра же выйти на работу, выдать трупы убитых, избрать для переговоров с комиссией 5 делегатов и направить в штаб. На размышление каторжанам дали час, затем, после вторичного ультиматума, - 15 минут. На трехкратную просьбу в корректной форме обратившихся к председателю комиссии Кузнецову членов комитета Запаренко, Вожева, Евтенко, Короля и Шамаева подтвердить каким-либо документом, что комиссия направлена в Норильск Советским правительством, ответа заключенные не получили. Поняв, что перед ними - просто комиссия МВД, на работников которого заключенные собирались подать жалобы, каторжане отказались вести с ней переговоры. Больше комиссия в 3-м лаготделении не появлялась, а обращалась к лагерникам только по радио. На общем собрании заключенных в клубе Шамаев, Доронин и Тарковцаде заявили, что готовы выйти из лагеря для переговоров с комиссией. Но собрание категорически запретило комитетчикам покидать лагерь, опасаясь их ареста. Через час после отъезда комиссии по ее распоряжению норма питания каторжанам была снижена на 50 процентов, в том числе раненым, инвалидам, больным.

5-е лаготделение. В лагере узнали, что 5 делегатов от заключенных вывезены неизвестно куда. Их

обещают вернуть через несколько дней, но не возвращают.

11 июня. 1-е лаготделение. Член комитета Лев Коваленко вынес на вахту и передал через капитана Нефедьева сверток с надписью "Московской комиссии". В пакете - обращение "В Президиум Верховного Совета СССР", письмо в ЦК КПСС, письмо заключенного Дубасова писателю Илье Эренбургу, "Журнал регистрации происшедших событий в жизни 1-го лаготделения и поддержания порядка". (Московская комиссия передаст эти документы в руки следователей из Красноярского УМГБ.)

3-е лаготделение. На общем собрании заключенные решили отправить письмо К.Е. Ворошилову и Г.М. Маленкову с просьбой прислать в Норильск правительственную комиссию. По 2 экземпляра просьбы вручены начальнику Горлага Семенову и начальнику 3-го лаготделения Тархову. Ни один экземпляр письма в Москву не отправят. Военная охрана с этого дня запретила вход в лагерь вольнонаемным медработникам.

12 июня. 1-е лаготделение. Утром лагерный художник Самодуров прикрепил над столовой красный флаг и лозунги, прославляющие партию и правительство. Вечером охрана привела в лагерь с рудника "Медвежий ручей" заключенных производственной зоны. Охрана зоны усилена, пулеметы устанавливаются на вышках и на дороге.

13 июня. 1-е лаготделение. По радио (громкоговорители установлены вокруг всей зоны) полковник Кузнецов приказывает заключенным выйти за зону, он кричит: "Ломайте окна и двери! Не бойтесь Френкеля и Касилова! Бейте их! Режьте их!" Понимая, что дальнейшее сопротивление поведет к кровопролитию, комитет приказывает заключенным выходить из зоны. На вахте охрана сразу арестовывает Френкеля, Касилова, Коваленко, Измайлова, Галему и других членов комитета, их отправляют в центральный штрафной изолятор Горлага.

14 июня. 1-е лаготделение вышло на работу. 3-е лаготделение продолжает бастовать - единственное в Горлаге. В Норильск прилетел представитель прокуратуры СССР Вавилов, государственный советник юстиции III класса.

15 июня. 3-е лаготделение. Здесь побывал Вавилов. В сопровождении капитана Тархова он обошел зону, одобрил лозунги советского содержания и поддерживаемый в зоне порядок, побывал в стационаре с ранеными и больными, в бараках инвалидов, которые произвели на него особенно тяжелое впечатление. Ему также вручен экземпляр письма-просьбы каторжан, адресованной К.Е. Ворошилову.

16 июня. 3-е лаготделение. Кузнецов по радио обращается к каторжанам. Он говорит, что по ходатайству комиссии правительство разрешило удовлетворить часть требований каторжан: снять номера с одежды, решетки с окон и замки с дверей, уменьшить на 1 час рабочий день, писать вместо 2 писем в год - 1 письмо в месяц и т.д. Кузнецов обещает "расследовать случай применения оружия 4 июня в 3-м лаготделении". Услышав о "применении оружия", 336 каторжан выходят из лагеря - они не поняли, о чем шла речь. Комитет ведет разъяснительную работу.

17 июня. 3-е лаготделение. "Психическая атака", организованная комиссией Кузнецова. "Лагерь внезапно начинают окружать вооруженные солдаты, в полной боевой готовности, со скатками на спине. Они залегают, устанавливая пулеметы. Вслед за этим появляются надзиратели с топорами и прорубают проходы в проволочном заборе. Открывают все ворота. По радио Кузнецов обращается к лагерникам, призывая их расправиться с членами комитета и уходить из лагеря",- так описывает действия комиссии Б.А. Шамаев. Из лагеря ни один человек больше не выходит. "Психические атаки" будут не раз повторяться.

22 июня. 4-е лаготделение вновь отказалось выходить на работу, требуя вернуть арестованных товарищей: перегоняя из 4-го лаготделения в 5-е колонну заключенных, охрана остановила лагерников посреди тундры и из 100 человек отобрала 7, которые были арестованы и увезены куда-то. Все были лагерными активистами, участниками первого этапа забастовки.

Идут ежедневные допросы комитетчиков из 1-го лаготделения. В этот день арестованному Френкелю предъявляются документы "Почему мы бастуем", письма "В Президиум Верховного Совета СССР", в ЦК КПСС и другие, переданные лагерниками в московскую комиссию, а попавшие в руки следствия.

24 июня. 5-е лаготделение. 700 лагерников вызваны на этап, в их числе - лагерные активисты, участники первого этапа забастовки. Этап отказывается покидать зону. Конвой попытался применить оружие, в

результате 2 заключенных убиты. Над лагерем вновь поднят черный флаг с красной полосой во всю длину. Начало второго этапа забастовки.

6-е лаготделение. Здесь тоже произведены ночью аресты женщин - участниц переговоров с комиссией Кузнецова. Начинается второй этап забастовки наутро после их ареста.

6 июня. В Москве арестован Л.П. Берия, но сообщений об этом нигде пока нет. В Норильске бастуют вновь 4-е, 5-е и 6-е лаготделения Горлага, причем часть заключенных 5-го лаготделения (1300- 1500 человек) осталась на стройке, остальные - в жилой зоне. На стройку три дня не привозили пищу. 3-е лаготделение продолжает забастовку протеста. От постоянного недоедания (уже семнадцатый день каторжане получают половину пайка) в зоне появились больные дизентерией. Заключенный Петр Миколайчук отливает самодельный типографский шрифт. Каторжане с его помощью решают выпустить листовку с обращением к норильчанам.

27 июня. 3-е лаготделение. Воздушный змей разносит над Норильском первую листовку каторжан: "Нас расстреливают и морят голодом. Мы добиваемся правительственной комиссии. Просим советских граждан сообщить правительству о произволе над заключенными в Норильске. Каторжане Горлага".

29 июня. 3-е лаготделение. Ночью в лагерь приходили пьяный Полстяной - начальник дивизиона, в сопровождении начальника лагеря Тархова, оперуполномоченный Калашников и начальник штаба дивизиона охраны Никифоров с двумя автоматчиками. "Огонь по фашистам!" - кричал майор Полстяной, затем, повернувшись задом и нагнувшись, матерился и кричал: "Вот вам, а не правительственную комиссию!" Наутро каторжане выпустили листовку с обращением к солдатам: "Солдаты войск МВД! Не проливайте братской крови! Да здравствуют мир, демократия и дружба народов!" Норму питания с этого дня каторжанам восстановили.

30 июня. 3-е лаготделение. Через штаб лаготделения вызвали "скорую помощь": заболел заключенный Андреюк. По мнению врачей-заключенных, ему требовалась срочная операция, в лаготделении же они не имели даже доступа к лекарствам после того, как охрана запретила вход медикам в зону. "У больного перитонит",- поставили диагноз заключенные-врачи. "Просто сильное истощение",- возразили врачи "скорой помощи" и через два часа вернули больного в лагерь. Андреюк умер. До приезда правительственной комиссии его также похоронили в жилой зоне. Выпущена листовка, посвященная этому случаю.

1 июля. Лагпункт "Купец". Повешены рядом на балке, лицом друг к другу, в лагерной сушилке два члена комитета 1-го лаготделения - Ставр Георгиевич Вольяно и Анатолий Николаевич Быковский. На теле каждого - царапины, синяки, следы побоев.

5-е лаготделение. Московская комиссия в полном составе явилась на вахту. Кузнецов потребовал убрать флаг, построить заключенных и вывести из зоны. Он сказал: "Волянка переросла в контрреволюционный мятеж. Мятежники избрали органы власти, суд, сформировали противозаконные органы обороны. В случае неподчинения конвой применит оружие!" Его поддержал Вавилов. "Одумайтесь, вас толкнули против Советской власти!" - взывал он. Примерно половина заключенных вышла из лагеря, оставшиеся попрятались в бараках. Солдаты открыли стрельбу из автоматов и пулеметов. Сколько было жертв? Сошлемся еще раз на письмо В.Н. Третьякова: "В один из барачных сносили вещи убитых и раненых, а было их 58 и 128. Хороший знакомый Василий Соловьев занимался инвентаризацией этих вещей. По данным врача С.В. Знаменского, вскрывавшего трупы, убитых было более 20 человек, он сохранил 19 пуль, вынутых из их тел. По подсчетам Альбины Крушавичюса, носившего тела на вскрытие вместе с другими, убитых было 26. Член комитета Юлиус Алякнавичюс называет цифру убитых в этот день - 49, раненых - более 100. Очевидно, при инвентаризации подсчитано общее количество жертв с 26 мая по 1 июля.

2 июля. В Москве открылся Пленум ЦК КПСС, на нем слушается первый вопрос - "Об антипартийной и антигосударственной деятельности Л.П. Берии". Сообщений в печати и по радио все еще нет.

3 июля. 4-е лаготделение. Московская комиссия предлагает вывезти инвалидов (их 700 из 5200 лагерников), прорезаны четыре прохода в проволочном ограждении. Все больше беглецов уходит за вахту. Видя, что продолжать забастовку масса заключенных не хочет, комитет принимает решение - вывести всех за зону. Решение принято очень своевременно: через 2, 5 часа готовился расстрел лагерников 80. В этот же день арестованы руководители комитета и активисты.

6 июля. В ночь с 6 на 7 июля солдаты вышли на "усмирение бунта" в 6-й (женской) зоне. Прорубив проволочное ограждение, открыв ворота вахты, ввели в зону пожарные машины, которые поливали женщин из брандспойтов струями воды под большим давлением. Солдаты, отставив оружие, взяли в руки палки, и били ими женщин по чему попало, а затем тащили силой в тундру, за пределы зоны. Тройная цепь женщин - они стояли, держась под руки, крича "Смерть или воля!" - была разбита. Началось раскассирование лагеря: активисток отводили в одну сторону, остальных гнали через тундру в другой лагерь. Врачебной помощи раненым никто не оказывал. Члены комитета Мария Нич, Лина Петрошук, Лидия Карловна Дауге, Стефания Коваль, Ганна Мазепа, Леся Зелинская, Ирена Мартинкуте, Аста Тоффри, Мария Чорна и другие были арестованы и отправлены в штрафные изоляторы 4-го и 6-го лаготделений. Восстание было подавлено в 1-й, 4-й, 5-й и 6-й зонах, заключенные вышли на работу. Члены комитетов, агитаторы, культорги, активные лагерники после страшных избиений (для этой цели впереди солдат чаще всего выстраивали уголовников, стукачей и прочих пособников лагадминистрации), а некоторые - после больницы, где им зашивали раны, отправлены по местным тюрьмам. Днем и ночью идут допросы.

Продолжает забастовку - в полном одиночестве - каторжанская 3-я зона.

9 июля. Поздно вечером по радио передано сообщение о решениях Пленума ЦК КПСС и об аресте Берии, Гоглидзе и других его ближайших помощников. Находившийся в это время на допросе у следователя Г.С. Климович из 4-го лаготделения слышит эту ошеломляющую новость, допрос прекращен. Новость облетает ШИЗО.

10 июля. Ночью по радио обращение к заключенным 3-го лаготделения - выступали новый начальник Горлага генерал Царев и полковник Кузнецов, требуя прекратить "антисоветский мятеж", снять "антисоветские флаги и лозунги", не выпускать "антисоветские прокламации". Вечером комиссия Кузнецова спешно покинула Норильск - пришли газеты с официальным сообщением об аресте Берии. Узнали об этом и заключенные всех лаготделений Горлага, кроме 3-го. В 3-м лаготделении каторжане создали отряды самообороны для защиты зоны от возможного вторжения уголовников. Зона разбита на 4 участка, назначены старшие участков, барачков, секций, их 88 человек. Определены места для круглосуточного дежурства, наблюдательные посты патрулей.

16 июля. 3-е лаготделение. Комитету стало известно, что в подвале барака № 2 уголовником Игнатьевым по указанию члена комитета Ивана Воробьева организована кузница, где из оконных решеток делаются пики и ножи для вооружения отрядов самообороны. Решением комитета кузница закрыта и опечатана, здесь выставлен круглосуточный караул.

18 - 19 июля. 3-е лаготделение. По радио ежедневно звучат обращения к каторжанам нового начальника Горлага Царева, который называет протест заключенных антисоветским мятежом и угрожает суровой расправой.

20 июля. 3-е лаготделение. Из случайно попавшей в лагерь газеты заключенные узнали об аресте Берии. В этот день комитетом написано еще одно письмо К.Е. Ворошилову и Г.М. Маленкову с просьбой прислать в Норильск правительственную комиссию. "Просьба" в закрытом конверте передана начальнику лаготделения Тархову для отправки адресатам, она в Москву, разумеется, послана не была. Через старшего оперуполномоченного Егорова каторжане передают письмо начальнику политотдела комбината с просьбой прибыть в лагерь. Но ответа каторжане не получили, начальник политотдела не появился.

27 июля. 3-е лаготделение. Единоборство бастующих каторжан с управлением Горного лагеря вступает в самую трудную фазу. Затянувшееся ожидание правительственной комиссии породило сомнения в умах лагерников, неустойчивость настроений, у одних - ощущение бессилия, у других - отчаянное желание действовать. Заключенные Кирпиченков, Любинецкий, Михайлов агитируют товарищей за прорыв зоны, захват дивизиона. Комитет на общем собрании заключенных разъясняет авантюристичность этой идеи.

Член комитета Иван Воробьев выносит на обсуждение свою "Программу", которая состоит из двух частей: "Наши недостатки" и "Что делать". Воробьев предлагает "перейти к агитации масс не в духе веры в Советское правительство, а в духе военной организованности, военной диктатуры" в лагере. Программа Воробьева дружно отклонена, сам он исключен из комитета за то, что вновь организовал в другом бараке кузницу для изготовления холодного оружия. Среди заключенных ходят слухи, что комиссия Кузнецова может возвратиться в Горлаг, заручившись новыми полномочиями, после того, как проинформирует - в выгодном для себя свете - правительство о норильских событиях. Комитет поручает разработку программы дальнейших действий Шамаеву. 29 - 30 июля. Шамаев написал тезисы "Как говорить с правительственной

комиссией". "В случае повторного приезда комиссии Кузнецова ошеломить ее коллективной просьбой (в лаготделений 3, 6 тысячи человек) о замене приговора - вместо каторжных тяжелых работ дать высшую меру наказания - смертную казнь, расстрел". Он полагал, что озадачит комиссию Кузнецова такой необычной просьбой, разрешить которую самостоятельно она не сможет (шутка ли, расстрелять 3, 6 тысячи человек!), и это вынудит все-таки вызвать в Норильск настоящую, полноправную правительственную комиссию. Символический лозунг его программы "Смерть или свобода!" после подавления восстания будет истолкован чекистами как предъявленный Советскому правительству ультиматум о предоставлении свободы всем содержащимся в лагере. 4 августа. 3-е лаготделение. В этот день исполнилось ровно два месяца с начала забастовки каторжан. В ночь с 3 на 4 августа, в 23 часов 45 минут, лагерь окружили три цепочки солдат, а также вольнонаемных граждан Норильска. Громкоговорители настойчиво повторили требование выйти из лагеря. Решив, что это обычная "психическая атака", комитет предложил всем членам комитета и лагерным активистам расходиться по баракам. Лагерь уже спал, когда к воротам с двух сторон приблизились машины с автоматчиками. На полном ходу они влетели в лагерь, поливая его огнем. Первыми же выстрелами был ранен Шамаев (вместо больницы его отправили в тюрьму). Последний флаг восстания упал. Протест жестоко подавлен: убито 57, ранено 98 заключенных, около 100 каторжан, жестоко избитых, раненых, помещены в тюрьмы:

центральный ШИЗО Горлага, где каторжан продолжали избивать в течение 18 часов (по свидетельству И.С.Касилова), Коларгон, лагпункт "Купец". Арестованы члены комитета каторжан Тарковцаде, Доронин, Гуль, Евтенко, Казлаускас, Миколайчук и другие. Начинается следствие по делу "об антисоветском вооруженном восстании, организованном извне", его ведет Красноярское управление КГБ: майор Ушацкий, старший лейтенант Лещенко, лейтенант Разумов и другие. 27 августа. Большой этап активных участников норильского восстания из Дудинки отправлен в Красноярск. Арестованные члены комитетов, активисты попали во внутреннюю тюрьму МВД в Красноярске, остальные вывезены будут в различные лагеря: в Магаданскую область, Кенгир (Джезказган), Мордовию, в тюрьмы Иркутска, Владимира, Кургана.

Расправа. Итоги. Выводы.

Даже в совершенно секретных отчетах о работе Норильского комбината за 1953 год писалось о восстании заключенных глухо и невнятно, ясным лишь для посвященных языком. Например, в "Годовом отчете по капитальным вложениям", который хранится в Норильском городском государственном архиве, отмечено: "Начиная с 26 мая по август месяц 1953 года в силу ряда обстоятельств, не зависящих от комбината, строительство оказалось в крайне тяжелом положении как с обеспечением рабочей силой, так и с подачей стройматериалов. По условиям лагерного режима в Горных лагерях, начиная с 26 мая до конца июля, на строительство города Норильска, всех важнейших объектов - никелевого завода, никелевых рудников, завода № 25 и на ряд других объектов основная рабочая сила не выводилась вовсе либо выводилась с большими перебоями и неполным составом. Это обстоятельство парализовало также работу всех основных предприятий по производству стройматериалов... Все это привело к тому, что строительство города Норильска и важнейших промышленных объектов в течение значительного отрезка времени и в самый лучший летний период года было остановлено полностью либо производилось очень замедленными темпами и на ограниченном количестве участков. План по капиталовложениям выполнен за второй квартал на 95,2 процента, а за III квартал - на 73,4 процента...". Цифра убытков, понесенных комбинатом из-за забастовки заключенных, кочует из отчета в отчет. Чаще всего называется 6 миллионов рублей. Но относятся они иногда только к строительству, иногда же - в целом к комбинату, виновниками этого убытка оказываются то все лаготделения, то одни каторжане, как это записано в приговоре Красноярского краевого суда по делу группы Б.А. Шамаева. А заместитель прокурора Норильлага Е.В. Павловский, который вел следствие по делу каторжан (члена комитета Александра Анисимовича Гуля и др.), помнит цифру убытков в 2 - 2, 5 миллиона рублей. По всему видно, что комбинат действительно на время лишился привычно дешевой рабсилы и провалил план, но очевидно и стремление списать на забастовку толком не подсчитанный ущерб. Для подавления норильского восстания были сосредоточены немалые силы и средства: объединили свои усилия "краснопогонники" и "синепогонники" - охрана исправтрудлагеря и Горного лагеря, есть сведения, что специально для этой акции были привезены в Норильск, как пишет Г.С. Климович, "доставленные по Енисею два полка краснопогонников", которые заменили местных. На штурм каторжанского лагеря (3-е лаготделение) были мобилизованы также гражданские лица - коммунисты и комсомольцы Норильска, руководители предприятий и цехов. По воспоминаниям С.Г. Головки, они шли вслед за двумя цепочками солдат третьей цепочкой. По свидетельству бывшего цензора 6-го лаготделения Горлага И.И.Киселева, к участию в подавлении восстания заключенных приглашали всех работников управления лагерей, но участвовали в акции только по желанию. Методы расправы с бастующими были относительно однообразны: вначале уговоры и призывы выйти из лагеря, обращенные к малосрочникам и ко всем желающим, обещания частично ослабить режим, затем угрозы и использование

военной силы к техники. Для того чтобы принудить к послушанию не вышедших из зоны заключенных, в нескольких местах прорезалась проволока, через эти прорезы въезжали на машинах или входили автоматчики, делившие лагерь на сектора и занимавшие один за другим бараки, где прятались лагерники. Тут же заключенных выгоняли за зону - по приказу "бегом, руки за голову по воспоминаниям А.М. Любченко, в некоторых лаготделениях приказано было через "коридоры вооруженных автоматами солдат к вахте ползти на коленях). Широко использовались услуги уголовников при подавлении восстания: например, в 3-м лаготделении по воспоминаниям Б.А. Шамаева, "...избиения заключенных во время подавления протеста носили массовый характер. Старшим оперуполномоченным Егоровым была организована специальная группа из бандитствующих элементов. Руководил этой группой заключенный К.К. Борисенко, убивший в 1952 году старшего нарядчика Кучеревского. Избиение проходило следующим образом. Все население лагеря было выведено за зону, а затем поодиночке каждый подходил к вахте, где у стола производилась сверка личности заключенного по формуляру. После этой проверки заключенных пропускали обратно в зону. И здесь у самого входа, по личному указанию старшего лейтенанта Егорова, эта группа бандитов Борисенко избивала заключенных...". Избиения продолжались в изоляторах, куда отправили наиболее активную часть лагерников, особенно жестокие - в центральном ШИЗО Горлага, где к этому времени уже работал старший лейтенант Ширяев (тот, что на Медвежке убил одного верующего и тяжело ранил другого). Среди заключенных эта тюрьма недаром получила название "мясокомбинат имени Ширяева". Вспоминает И.С. Касилов: 4 августа 1953 года было избито 85 человек, с переломом конечностей и ребер, а также повреждением внутренних органов почти у каждого избитого. Под окном моей камеры непрерывно в течение 18 часов раздавались страшные крики и стоны. Особенно громко кричавших били досками по головам. Операцией руководил старший лейтенант Ширяев. Исполнители - старшина Бейнер, старший сержант Воробьев, завхоз Грошев (разжалованный офицер) и еще около 10 человек - младших сержантов и рядовых. Дополняет эту картину попавший в "мясокомбинат имени Ширяева" как раз 4 августа Б.А. Шамаев: "Потеряв много крови, я ослаб и забылся, а пришел в себя и встал, когда почувствовал, что меня избивают. Бил меня оперуполномоченный старшина Калашников, в присутствии капитана Тархова. После того как я попросил не допускать такого зверства - избиения раненого, Калашников стал меня бить с еще большим ожесточением, и я потерял сознание. В таком состоянии меня, как рассказывали товарищи, бросили в "воронок" и увезли в центральный изолятор (ШИЗО) Горлага. Двое суток я находился без сознания, а перевязку мне сделали лишь через 5 дней... Заключенный А.А. Гуль, которого привезли в изолятор на одной со мной автомашине, видел, как там поступили со мной, находившимся без памяти, после ранения и зверского избиения Калашниковым. Он рассказывал, что, когда меня привезли в штрафной изолятор, то буквально выбросили из машины на землю, а затем мне на грудь вскочил какой-то надзиратель и стал бить ногами, подпрыгивая на мне. Избиениями занимались старший лейтенант Никифоров, старшины Калашников, Ларин, Бейнер, надзиратели Воробьев, Шниперов и другие". Норильское восстание озлобило и страшно напугало работников управления лагерей. Страх, например, перед каторжанами в канун штурма был таков, что борта автомашин на всякий случай были усилены бронированными плитами, как сообщил начальник транспортного отдела Горлага Б.Н.Каширин. Предосторожность была излишней - сопротивления солдатам практически не было, лагерь спал, абсолютное большинство убитых и раненых пали жертвами в помещениях, между нарами и т.д., как свидетельствовали об этом фотографии в уголовном деле. Лишь небольшая группа каторжан пыталась защищаться с помощью пик и кипятка, но против пуль и взрывпакетов это "оружие" было явно неподходящим. Среди штурмовавших 3-е лаготделение потерь практически не было, ни в одном из 13 томов уголовного дела группы Б.А. Шамаева не названо ни одной фамилии раненых или убитых, явно никто из них не успел получить ни царапины. Жертвы же среди заключенных все еще уточняются, их почти невозможно подсчитать. На сегодня известны цифры официального акта, составленного в 3-м лаготделении после "усмирения": убито 57 и ранено 98 человек, а также цифры потерь, подсчитанных при инвентаризации 5-го лаготделения: убито 58, ранено 128 человек. Необходимо присоединить к этим цифрам жертвы, появившиеся в мае-июне, накануне забастовки застреленные солдатами. Это 1 убитый и 1 раненый в 1-м лаготделении, неизвестно количество жертв во 2-м лаготделении, в 3-м лаготделении - 6 убитых и умерших от ран (плюс умерший от перитонита Андреюк) и 15 раненых, убитый в 4-м лаготделении Софроник, до десятка жертв - в 5-м лаготделении и убитая в 6-м лаготделении женщина, чье имя неизвестно. В кладбищенской книге, где обычно поименно записываются все похороненные, есть строка, относящаяся к 1953 году, о захороненных в общей могиле 150 безымянных мертвецах. Как сообщила К.И. Колесникова, работавшая в 1953 году на кладбище под Шмидтихой, именно там похоронены эти жертвы восстания, на месте, где сейчас находится часовня и крест, воздвигнутый "Мемориалом", с надписью "Мир праху, честь имени невинно репрессированных, вечная память и скорбь о прошедших ГУЛАГ" над братской могилой (перезахоронение останков проведено 1 июля 1990 года). Наказания за эти убийства безоружных людей не понес почти никто. Был, правда, вновь судим В.И. Цыганков, убивший заключенного Софроника, и приговорен к 3 годам лишения свободы и 2 годам поражения в правах. Был суд над Полстяным, отдавшим приказ о расстреле каторжан 4 июня 1953 года. По воспоминаниям С.Г. Головки, вызванного на этот суд в качестве свидетеля вместе с еще тремя заключенными, к ним бросилась жена Полстяного, уговаривая их простить майора ради его больных детей, стоявших тут же в зале. И заключенные-свидетели заявили на суде, что прощают, поскольку мертвых уже не вернешь. После суда, где Полстяной получил

условный срок, он был разжалован, отстранен от должности и выехал с семьей из Норильска. Горный лагерь в 1954 году перестал существовать как самостоятельный, его объединили с исправительно-трудовым. Пришлось снять с работы начальника политотдела, начальника оперативного отдела и еще некоторых работников бывшего УГЛ, часть из них уволили из органов МВД, как сообщил в ответе на одну из жалоб заместитель прокурора Красноярского края по спецделам А.Соловьев. Первые результаты норильского восстания заключенные ощутили еще в 1953 году. Они заключались в смягчении режима, возвращении им прав, отобранных в Горном лагере. Затем в 1954 году был ликвидирован и сам Горный лагерь, в Норильск приехала из Москвы комиссия по пересмотру дел политзаключенных, а после ее отъезда на месте создан ликвидком Норильского ИТЛ. Если в 1953 - 1954 гг. освобождение коснулось лишь самых "крупных величин" (известных ученых, партийных и комсомольских функционеров, крупных хозяйственников), то в 1955- 1956 гг. освобождение пришло к абсолютному большинству бывших узников Горлага. А в годы после XX съезда КПСС процесс этот был завершен, Норильский комбинат перешел на вольнонаемную рабочую силу. Это и был главный результат норильского восстания, подорвавшего непоколебимый до того фундамент лагерной системы. Не стало рабского труда многих тысяч заключенных, за счет которого процветала, создавая новостройки за новостройками, Страна Советов. Если экономические требования заключенных были выполнены сразу и полностью, то политические - лишь частично и далеко не тотчас (полгода спустя было ликвидировано Особое Совещание, начался пересмотр дел политзаключенных, собраны для отправки за границу иностранцы, вывезены инвалиды и т.д.). Некоторые пункты, как, например, требование писать о жизни заключенных в прессе, снять паспортные ограничения и поражения прав освободившимся из лагеря политзаключенным, предоставлять более широкие права, равные с остальными гражданами страны, семьям заключенных и другие, осуществляются лишь в наше время - в 30 - 90-е годы, а некоторые в полной мере и сейчас не выполнены (например, требование наказать бывших работников НКВД-МВД-МГБ за совершенные преступления, судить их всенародно). Демократическая программа преобразования советского общества, в том числе его пенитенциарной системы, заложенная в требованиях заключенных Горлага, опередила свое время. Смелость ее поразительна, ведь комитеты при написании требований имели перед собой очень сложную задачу: они должны были, и соответствовать принципам социалистической революции, и, не осуждая основных устоев тоталитарного режима, выражать волю и решимость масс - при этом тоже в рамках советской законности. Значение норильского восстания, возможно, полностью еще не оценено. Оно не только в том, что было первым после смерти Сталина протестом заключенных против созданной им системы подавления личности, но и в том, что было подлинно массовым: в норильском восстании участвовали около 30 тысяч человек. Такого масштаба прежде не знала лагерная система. С этим нельзя было не считаться. Норильское восстание доказало, что даже в самых тяжелых условиях угнетения можно бороться с тоталитарным режимом, причем не методами террора, противными человеческой природе и законам демократического общества, а легальными методами коллективного протеста. Для этого идеи восстания должны были поддержать массы, отбросившие многолетний страх перед системой. Тут куда нужнее было не оружие, а слово пропагандистов и агитаторов, обращение к широкой общественности. Как известно, именно неустанное разъяснение целей норильского восстания с помощью листовок, писем, обращений обеспечило ему поддержку, пусть ненадолго, некоторых лаготделений ИТЛ (бастовали в 9-м лаготделении, в 20-м и других), сочувствие части вольнонаемного населения (в результате часть документов все же была передана в Москву, а информация о норильском восстании появилась в зарубежной прессе и прозвучала по американскому радио - радиостанция "Голос Америки" сообщила, что в Норильске бастуют до 20 тысяч политзаключенных). Глубочайшего уважения и восхищения потомков достойны руководители норильского восстания. Беспримерны их мужество, смелость, организаторский талант. В центре покрытого лагерями Таймыра, в режимных зонах, окруженных автоматчиками, под прицелом пулеметов, они создали "республику заключенных", вступили в единоборство с огромной системой насилия и угнетения, с бездушной машиной террора. Это, безусловно, героизм, не меньший, чем на фронте. Отдельная, все еще мало изученная тема для нас - судьбы руководителей норильского восстания. Сейчас мы знаем десятки имен, а были их - сотни. За участие в норильском восстании каждый из них получил новый срок. Большинство до сих пор не реабилитировано. Норильский "Мемориал" ведет переписку с Б.А. Шамаевым, Л.В. Коваленко, Е.С. Грицяком, Г.С. Климовичем, И. Сметонене и другими руководителями норильского восстания, председателями и членами комитетов. Но остаются неизвестными дальнейшие судьбы Павла Френкеля, Ивана Касилова, Владимира Недоросткова, Павла Фильнева и многих других. Наши поиски и исследования продолжаются. Если, по Димитрию Панину, "мир заключенных отображает советскую действительность, она же повторяет во многом жизнь за колючей проволокой", то перемены в зонах возможны лишь при изменении самого общества. Сейчас многое меняется в России. Не забудем же о тех, кто положил начало этому обновлению 40 лет назад лагерными восстаниями. Пророческий итог подведен строками "Гимна норильских заключенных":

Из тьмы встает свободная держава.

Огни Норильска не погаснут в ней!

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

В 1978 году, то есть в 25-ю годовщину Норильского восстания, мой хороший знакомый, давний (тогда еще нелегальный) священник о. Зиновий Карась побудил меня написать воспоминания о том восстании. Я кратко описал течение тех событий под названием "Краткая запись воспоминаний" (для самого себя). Вскоре мне удалось передать рукопись на Запад, в чем мне очень помог широко известный деятель искусства и украинский политзаключенный Панас Залываха.

И вот в 1980 году мои воспоминания вышли из печати в издательстве "Смолоскып (Факел)" США.

Иваново-Франковские чекисты отреагировали на появление этой книги немедленно и весьма нервозно.

От меня потребовали:

1. Назвать канал передачи рукописи на Запад.
2. Отречься от своей работы и запретить ее распространение.
3. Сдать в КГБ копию рукописи.

Само собой разумеется, требования КГБ не были удовлетворены. Тогда мне пригрозили новым арестом и дали понять, что этот арест будет для меня уже последним.

В ответ на эту угрозу я написал открытое письмо Брежневу, которое также было опубликовано на Западе. Копию этого письма прилагаю к этому изданию.

И в этот раз те давние заключенные, что имели возможность прочесть мои воспоминания, были недовольны тем, что я привел там очень мало имен активных участников восстания. Это, должен признать, очень существенное замечание. Однако к тому времени я не мог поступить иначе, так как не хотел, чтобы на этих людей было обращено лишнее внимание со стороны КГБ.

Как это обычно делалось, поясню таким примером: после повторного ареста в январе 1959 года меня содержали несколько дней в Карагандинском изоляторе КГБ. Допрашивал меня "специалист по делам бандеровцев" капитан Шишигин, который среди прочего спросил:

- Вы в своем 4-м лаготделении были руководителем всего процесса. Так не могли бы вы нам сказать, кто там у вас подделывал ключи к тюремным дверям, чтобы с ними напасть на тюрьму и освободить из нее всех тех, кого там содержали?

- Меня удивляет, - отвечаю ему, - почему этот вопрос до сих пор Вас интересует? Во-первых, та тюрьма и даже та зона уже давно не существует. Если бы у кого-то и сохранились бы такие ключи, что с того? А во-вторых, если бы та тюрьма еще до сих пор существовала, а вы узнали о подготовке нападения на нее, то вы немедленно заменили замки, усилили охрану и никакого нападения на тюрьму не получилось бв. Я не понимаю, почему Вы до сих пор интересуетесь теми ключами?

- Мы интересуемся не ключами, - отвечает Шишигин, - а людьми! Нас интересует, кто на что способен!

Вот почему, дорогие друзья мои, я не мог объявить на страницах моих воспоминаний, кто из вас на что способен.

На сей день в памяти как моей, так и моих близких друзей сохранились такие имена:

Украинцев: **Евген Горешко, Василь Николишин, Михайло Марушко, Кость Король, Степан Семенюк, Мелетий Семенюк, Роман Загоруйко, Данило Шумук, Мирослав Мелень, Игорь Петрашук, Василь Друпак, Степан Венгрин, Степан Киндрацкий, Иван Гальчинский, Иван Кляченко-Божко, Павло-Кушта, Богдан Самотий, Степан Пополчак, Мыкола Малиновский, Тарас Супрунюк, Василь Корбут, Мария Ныч, Мария Чорна, Стефания Коваль, Ганна Мазепа, Леся Зелинская, Лина Петрашук, Уляна Стасюк.**

Русских: **Владимир Недоростков, Иван Стрыгин, Федор Смирнов, Петр Дикарев, Владимир Русинов, Павел Фильнев, Владимир Трофимов, Михаил Измайлов, Иван Касилов, Борис Шамаев.**

Белорусов: Григор Климов, Семен Крот, Александр Шовейко, Виктор Ермолович, Лев Коваленко.

Литовцев: Иозас Лукшис, Ионас Леникас, Витас Петрушайтис, Иозас Козлаускас.

Латышей: Александр Валюмас, Лидия Дауге.

Эстонок: Атра Тофри.

Евреев: Семен Бомштейн, Григорий Санников, Ефим Гофман.

Чеченца: Ахмед Гуков.

Австрийца: Пауль Френкель.

Без какого-либо преувеличения могу уверенно сказать, что все эти бывшие узники Горного лагеря были инициаторами и руководителями той великой и тяжелой борьбы, что вошла в историю под названием Норильское Восстание.

Хотя Норильское восстание было первым и наибольшим восстанием в системе спецлагерей ГУЛАГа, оно не было единственным в своем роде. В том же 1953 году так же восстали узники Воркуты, в следующем, 1954 году, - заключенные Кенгира.

Все эти восстания имели столь большое политическое и историческое значение, что теперь ими заинтересовались многие исследователи - Алла Макарова из Норильска, Николай Формозов из Москвы и Марта Кравери из Рима.

Прежде всего, перед исследователями этих событий возник такой вопрос: А что там происходило на самом деле? Восстание, забастовка или просто массовое неповиновение? Алла Макарова настаивает на названии «восстание» и аргументирует свою позицию так: «...хотя термин «восстание» также предлагали работники МВД (во время следствия и суда над руководителями комитета возникла идея квалификации их действий как "антисоветского контрреволюционного вооруженного восстание") мы остановимся все же на нем, имея в виду не вооруженное выступление заключенных, а его противоположность – "восстание духа" – как высшее проявление ненасильственного сопротивления бесчеловечной системе ГУЛАГа»

Однако перед исследователями этого движения возникает еще один вопрос: Как это произошло? Была ли это хорошо организованная и заранее спланированная акция, или это был стихийный порыв заключенных в ответ на систематические провокации со стороны администрации лагеря?

Теперь мы уверенно можем сказать, что это была общая и хорошо организованная реакция заключенных на бесчисленные провокации со стороны администрации лагеря.

Здесь следует отметить, что кроме известной всем серии расстрелов, администрация старалась вызвать среди нас массовые беспорядки и иным способом, о чем красноречиво свидетельствует выписка из жалобы заключенного 1-го лаготделения И.С. Касилова, которую цитирует в журнале «Воля» Алла Макарова: «... примерно 9 мая 1953 года з/к Вольяно был посажен в ШИЗО. Находясь в изоляторе, Вольяно каким-то образом узнал о том, что в этом изоляторе находится группа заключенных, завербованных работниками оперативного отдела для производства так называемой "волянки". Эта группа получила инструктаж от работников оперативного отдела и администрации лагеря, как и когда начинать "массовые беспорядки". 22 мая з/к Вольяно был выпущен из ШИЗО, отсидев срок.

Надо заметить, что в это время, т.е. между 20 и 25 мая, из всех штрафных изоляторов и БУРов Горного лагеря были выпущены ранее содержавшиеся в них, чтобы эта озлобленная и завербованная масса смогла начать беспорядки. Так как с Вольяно я был очень хорошо знаком по двухгодичному пребыванию в одной бригаде, то при встрече на руднике "Медвежий ручей" Вольяно сказал мне: «Иван, готовится ужасное дело. Люди, которым все верят (кому это все верят и кто те, кто верят, я еще не знал) завербованы оперотделом, чтобы подвести массу заключенных под расстрел». Я был чрезвычайно поражен этим, так как до этого не подозревал, что в лагере что-то готовится. Услышав об этом, я посоветовал Вольяно, чтобы оповестил всех заключенных... Вольяно страшно перепугался и начал упрашивать меня, чтобы я никому не рассказывал об услышанном, т.к. в противном случае нас немедленно убьют... Уже 26 - 27 мая в жилую зону 1-го лаготделения были занесены 200 ломов и топоров, чтобы устроить настоящую резню. Но благодаря тому, что некоторые лагерники поняли провокацию, резни не произошло. Причем весьма интересно отметить, что вокруг зоны была срочно выставлена дополнительная охрана (солдаты стояли на расстоянии 10 метров друг от друга), чтобы

во время резни заключенные не могли выскочить за зону.

1-го июня в производственной зоне рудники "Медвежий ручей" группой в шесть человек, одетых в бушлаты с номерами, была предпринята попытка взорвать главный трансформатор на ГПП, питающей электроэнергией рудник "Медвежий ручей" и рудник 3/6. Когда же заключенные, заметившие диверсантов, хотели их поймать, эта группа пустилась наутек и была пропущена сквозь колючую проволоку. Часовой, стоявший на вышке, огня не открыл..." (От себя добавлю, что в это же время один из моих знакомых предложил мне приобрести пистолет ТТ).

Все тогдашние события и доступные нам теперешние документы дают основание утверждать, что наиглавнейшим фактором, подвигнувшим нас на решительные действия, были систематические провокации против нас.

После выхода из печати моего первого варианта воспоминаний о Норильском восстании (США, 1980 г.) мне очень часто приходилось беседовать на эту тему в высокими чинами КГБ. Один из них, полковник Павленко, как-то спросил меня:

- Как вам удалось все это организовать?

- Мы ничего не организовали, - ответил я - нас на это спровоцировали.

- Да, подтвердил Павленко, - вас провоцировали, но они не ожидали таких масштабов...

- А какие именно масштабы были им нужны?

Наверное, они ожидали таких масштабов, какие бы дали им возможность, как в свое время сказал подполковник Сарычев, половину из нас перерезать. Но случилось непредвиденное!

Здесь напрашивается еще один вопрос: стреляли ли солдаты в нас по приказу или, может быть, действовали по собственной инициативе, как того требовали обстоятельства и соответствующая инструкция?

На этот вопрос могут пролить свет обстоятельства убийства Эмиля Софронюка.

Вот как это произошло.

25 мая 1953 года из штрафного изолятора 4-го лаготделения конвой этапировал 16 заключенных в 5-е лаготделение. Тогда уже таял снег, в тундре было много воды.

Конвой вел заключенных прямо на яму с водой (потом следствием было установлено, что яма имела размеры 8x12 метров). Заключенные отказались идти в воду и сели перед ямой на землю. От вахты к месту события прибыл конвойный сержант Цыганков. Он спросил у конвоиров, кто здесь зачинщик. Конвоиры указали на Эмиля Сафронюка, который сидел в передней пятерке средним. Сержант Цыганков убил Софронюка прямым выстрелом в голову.

В своем письме от 2 августа 1954 года Цыганков так оправдывал свои действия: *"Нас информировали, что заключенные 4-го лаготделения готовят план разоружения нашего батальона. По их плану предполагалось: вечером, в час, когда одна часть батальона будет на службе, вторая выйдет на смену первой, третья будет конвоировать заключенных к месту работы и обратно с работы, сделать "рывок" при выводе на работу вечерней смены и, ворвавшись в воинскую часть, завладеть запасным оружием и боеприпасами... развивать свои действия на захват Норильска и Дудинки в свои руки, после чего связаться с США..."*

Нас постоянно предупреждали, что готовится к побегу большая группа заключенных. Когда и где произойдет побег, сказать нам не могли. Но нас информировали, что к побегу уже все готово и только ожидают случая. Лучшего момента, чем 25 мая 1953 года, им и не надо было, потому что у нас был хозяйственный день и в подразделениях никого не было, все были в бане. Офицерский состав выехал на автомашинах на обед и если бы заключенные 70-го квартала сделали рывок на воссоединение с теми заключенными, что были за зоной (16 человек), то их никто бы не остановил, потому что конвой применить оружие не мог, на помощь не было кому придти. Неужели я был обязан ждать этого момента? Хотя бы и не было заключенных в 70 квартале, неужели я должен был ждать, когда заключенные бросятся на конвой?"

А вот как расценивает события тех дней начальник тюремного управления полковник Кузнецов.

Справка

25 мая этого года при этапировании заключенных 1-го лаготделения в 5-е охраной было применено оружие, в результате был убит заключенный Шигайлов и ранен заключенный Дзюбук.

Того же 25 мая при этапировании заключенных 4-го лаготделения в количестве 16 человек в 5-е отделение за неповиновение охраной было применено оружие, в результате был убит

заклученный Сафронюк Эмиль Петрович.

26 мая младший сержант Дятлов, 1931 года рождения, призыва 1951 года, беспартийный, разводящий караул в производственную зону кирпичного завода, без всякого основания открыл автоматную стрельбу по заключенным, находившимся в жилой зоне 5-го лаготделения, в результате ранил 7 заключенных – Климчука, Медведева, Коржева, Надейко, Уварова, Юркевича и Кузнецова.

Эти факты озлобили заключенных 4-го, 5-го лаготделений в количестве 7000 человек, последние отказались выйти на работу, ведут себя крайне возбужденно, отказались выполнять распоряжения администрации лагеря, выставили категорическое требование о приезде московской комиссии...

27 мая 1953 года.

Начальник тюремного Управления МВД СССР, полковник М. Кузнецов

Сопоставив все факты и даты, уже упоминавшаяся нами Алла Макарова пришла к такому выводу: «... Норильское восстание началось *стихийно и неодновременно* (курсив мой). 4-е лаготделение (3,5 тысячи человек) и оставленные в окружении Горстроя 1,5 тысячи заключенных отказались от работы 25 мая, после убийства Софроника. 5-я и 6-я зоны забастовали в ночь с 26-го на 27 мая – после расстрела Дятловым заключенных в 5-й зоне... Что касается 1-го лаготделения, то оно включилось в забастовку лишь во второй половине дня 1 июня, а каторжане (3-е лаготделение Горлага) – 4-го июня, после инцидента у штрафного изолятора и расстрела заключенных в жилой зоне...»

Все эти обстоятельства, причины и события так туго переплелись между собой, что их тяжело, да и невозможно, расчленишь, чтобы определить первенство какого-либо одного из них. Но, несмотря на это все, мы уверенно можем назвать события тех дней НОРИЛЬСИМ ВОСТАНИЕМ, положившего НАЧАЛО КОНЦА порочной политико-экономической системы.

Во что нам это обошлось?

По приблизительным и вероятным оценкам в Норильске во время нашего восстания погибло около 150 заключенных. Все они похоронены на кладбище для заключенных Норильска возле горы им. Шмидта, где силами норильского «Мемориала» построена часовенка.

Из архивных документов известны только имена тех заключенных, которые погибли во время обстрела 3-его каторжного лаготделения 4-го июля. Командовал этой акцией майор Полостяной.

Ниже приведены справки обо всех тех, кто тогда погиб. Справки взяты из упомянутого журнала «Воля».

Справка

по личному делу заключенного Хомик А.Т.

Заклученный Хомик Андрей Тихонович, 1926 г. рождения, уроженец и житель села Волиця Берестецкого района Волынской области, украинец.

Военным трибуналом войск НКВД Волынской области 11 мая 1945 г. по ст. 54-16 УК УССР осужден к 20 годам каторжных работ.

4 июня убит во время беспорядков в 3-й лагерном отделении.

Справка

по личному делу заключенного Деркач И.С.

Заклученный Деркач Игнат Селиверстович, 1923 г. рождения, уроженец и житель Почаивского района Тернопольской области, украинец.

Военным трибуналом гарнизона г. Чорткова 24-25 мая 1946 года по ст. 54-1а УК УССР осужден к 15 годам каторжных работ.

4 июля 1953 года убит во время беспорядков в 3-ем лагерном отделении.

Справка

по личному делу заключенного Прокопчук Р.И.

Заклученный Прокопчук Роман Иванович, 1923 г. рождения, уроженец села Пивча Мизочского района Ровенской области, украинец.

Военным трибуналом войск НКВД Ровенской области 31 мая 1945 года по ст. 54-1а УК УССР осужден

к 15 годам каторжных работ.

4 июля 1953 года убит во время беспорядков в 3-м лагерном отделении.

Справка

по личному делу заключенного Осташ Б.М.

Заключенный Осташ Богдан Николаевич, 1925 г. рождения, уроженец села Ляцьке-Шляхецке Пидгорное Тысменецкого района Станиславской области, украинец, беспартийный.

Военным трибуналом войск МВД Львовской области 18 июня 1946 г. по ст. 54-1а УК УССР осужден к 15 годам каторжных работ.

4 июля 1953 года убит во время беспорядков в 3-м лагерном отделении.

Справка

по личному делу заключенного Попик И.И.

Заключенный Попик Иван Иванович, 1925 г. рождения, уроженец и житель с. Крупско Николаевского района Дрогобычской области, украинец.

Военным трибуналом войск НКВД Дрогобычской области 28 апреля 1945 г. по ст. 54-1а и 54-II УК УССР осужден к 15 годам каторжных работ.

4 июля 1953 года убит во время беспорядков в 3-м лагерном отделении.

Справка

по личному делу заключенного Прийдук И.А.

Заключенный Прийдук Иван Андреевич, 1921 г. рождения, уроженец и житель села Ценивка Козовского района Тернопольской области, единоличник, с нишим образованием, беспартийный.

Военным трибуналом войск НКВД Тернопольской области 13 июля 1945 г. по ст. 54-1а УК УССР осужден к 15 годам каторжных работ.

4 июля 1953 года убит во время беспорядков в 3-м лагерном отделении.

ПОМЯНЕМ ИХ

ДОПОЛНЕНИЕ

Генеральному Председателю Леониду товарищу по	секретарю Президиума по единому	Верховного Ильичу фронту, советскому	ЦК Совета по	КПСС СССР Брежневу, перу, гражданству.
---	--	---	--------------------	--

Открытое письмо по поводу нашего равноправия.

Уважаемый товарищ, Леонид Ильич Брежнев!

«Это что за товарищ у меня объявился?»- мимоходом спросите Вы, прочитав мое к Вам обращение. И это совершенно естественно, ведь и я же сам скорее назвал бы себя Вашим антиподом, нежели товарищем: ибо по своей сути себя наше товарищество чисто формальное, а не настоящее.

А началось оно еще тогда, когда Вы возглавляли Политуправление 4-го Украинского фронта, а я в составе 265-й отдельной штрафной роты, того самого фронта, «искупал свою первую вину перед Отечеством».

Как видите, наши жизненные пути уже тогда не сходились, а после войны и службы в армии они разошлись еще больше. Вы пошли по линии служения родине на наивысших и наиответственных партийно-государственных постах, а я – по линии дальнейшего «искупления вины перед родиной» в так называемых «исправительно трудовых лагерях». Вас родина отмечала золотыми медалями и высочайшими полномочиями, меня - лагерным номерным знаком и лишением всех прав. Ваш путь широкий и светлый, мой – узкий и сумрачный.

Однако каждому человеку перед окончанием его пути (каким бы он ни был), хочется оглянуться назад, вспомнить главнейшие этапы и, если есть такая возможность, зафиксировать их на бумаге. И мы оба это сделали: Вы написали всемирно известную трилогию воспоминаний, в которой зафиксировали важнейшие этапы Вашего светлого пути, а я сделал мало кому известную «Краткую запись воспоминаний», в которой отметил только один, но, по-моему, важнейший этап моего сумрачного пути.

И хотя мы писали свои воспоминания, исходя из противоположных позиций и на разном уровне, нас все таки объединяет то, что мы оба писали чистую правду об одном и том же, то есть, о советской действительности. Иными словами, мы описали две различные стороны одной и той же медали. И поскольку мы писали в одинаковом жанре, я осмелился назвать Вас товарищем по перу.

Третье, и в юридическом смысле важнейшее, наше товарищество состоит в едином советском гражданстве.

Но тут следует отметить, что я родился не в Советском Союзе и советское гражданство получил вопреки моему желанию. Вот поэтому, да и не только поэтому, я уже дважды подавал официальное заявление в соответствующие органы советской власти с просьбой разрешить мне и моей семье выехать из СССР. Однако получил категорический отказ и остаюсь советским гражданином по настоящее время.

Но, несмотря на все это, мне все же приятно отметить, что все граждане Советского Союза перед законом равны, хотя в то же время горько сознавать, что советская власть не всегда этому закону подчиняется. А там, где есть возможность не подчиниться закону, либо обойти его, там его нет!

Возьмем для примера нас с Вами. Оба мы равноправные граждане Советского союза и как я уже отмечал, оба написали свои воспоминания. Вы описали свой путь, я – свой. И оба мы писали о том, что видели, сами пережили, и что глубоко запало в нашу память. Вы опубликовали свои воспоминания в Советском Союзе и за рубежом, я – только за рубежом. Но Вас не вызывают, как меня, в КГБ, и не спрашивают, каким путем Вы передали за рубеж Ваши воспоминания, от Вас не требуют отречения от Вашего труда, Вам не грозят судом, на Вас не расставляют провокационные силки. Наоборот, Вас восхваляют и вами восхищаются.

Теперь я хочу спросить Вас, почему получается так, что два одинаковых действия двух равноправных граждан так неодинаково оцениваются? Почему Вы, товарищ Брежнев, подписав заключительный акт Хельсинкских соглашений, в которых, среди прочего, говорится, что граждане всех стран – участниц Соглашений имеют право получать и распространять информацию независимо от государственных границ, сами пользуетесь этим правом, а мне, через органы госбезопасности, угрожаете судом?

Вот пример: как-то ко мне домой в с. Устья пришел работник оперативного отдела Ивано-Франковского УКГБ майор Петренко и говорит: «Ну что, Евгений Степанович, вы, наверное, полагаете, что органы притихли и вам все так сойдет. Нет, ошибаетесь, так вам не пройдет. Мы уже имеем все необходимые доказательства: вашу книжку, что вышла в США, мы уже имеем. Стилистическая экспертиза установила, что стиль ваш. И напрасно вы не хотели отдать нам копию вашей рукописи, побоявшись, что она может быть использована против вас, как вещественное доказательство. Вашу рукопись мы уже имеем, ну а вы имеете машинку, сопоставить не трудно. Вот и все. А может, - продолжает он, - вы рассчитываете, что на Западе поднимут вопли из-за вас и потому мы вас не тронем? И тут вы ошибаетесь. Мы теперь имеем две головные боли: это Афганистан и Польша, а на такие мелочи, как вы, мы уже не обращаем внимание»

Я никак не отрекался от своих воспоминаний, наоборот, я всегда говорил: «Да, я написал их и сам передал в печать. Они изданы с моего ведома и разрешения».

Поэтому все доказательства, что привел майор Петренко, я считаю совершенно излишними, и они меня нисколько не интересуют. Интересует меня совсем другое: почему меня собираются судить? Ведь вас никто не судит?!

10 октября 1981 года
Грицк Евгений Степанович
с. Устье Снятинского района
Ивано-Франковской области
Украинской ССР.

Александр Дугин

ВОССТАНИЕ В ОСОБОМ ГОРНОМ ЛАГЕРЕ

В настоящей публикации собраны документы о восстании в норильском Особом Горном лагере. Ценность этих документов заключается в том, что они появились по горячим следам - по мере развития событий в Горном лагере.

Документы выявлены в специальных фондах Государственного архива Российской Федерации (бывший ЦГАОР СССР). Опущенная часть документов не содержит сколько-нибудь значительной информации.

Возьмем в руки два пожелтевших тома - на обложке читаем:

Тюремное управление МВД СССР

Оперативный отдел

Дело с материалами по ликвидации массовых неповиновении заключенных в Горном лагере МВД.

т. 1,2 Начато 28 мая 1953 г. Окончено 20 января 1954 г.

Срок хранения - постоянно (ГА РФ. Фонд № 9413. Опись № 1. Дело № 158.)

Что же происходило весной и летом 1953 года в Особом Горном лагере МВД СССР?

Итак, место действия - город Норильск. Время действия - середина 1953 г. Предоставим слово документам:

ДОКУМЕНТ № 1

Справка о численности и составе заключенных по Горному лагерю МВД по состоянию на 1 июля 1953 г.

Всего заключенных - 19545. По срокам осуждения

Пожизненно - 3

На срок 25 лет - 4264

На срок 20 лет - 2330

От 11 до 15 лет - 2586

От 6 до 10 лет - 10358

Неосвобожденные

инвалиды - 9

Начальник спецотдела капитан ГОРБИН.

ДОКУМЕНТ № 2

Справка о численности и составе заключенных по Горному лагерю МВД на 16 июля 1953 г.

1-е лаготделение - 2636

2-е - 2739

3-е - 4051

4-е - 2966

5-е - 1520

6-е - 2901

7-е - 2

8-е - 1362

Лагпункт "Купец" - 72

Лагпункт "Косой" - 301

ШИЗО

Норильского ИТЛ - 15

Центральный штрафной барак - 18

Центр, больница Норильского ИТЛ - 9

Начальник спецотдела Управления Горного лагеря капитан ГОРБИН

ДОКУМЕНТ №3

Справка

25 мая с.г. при этапировании заключенных 1-го лаготделения в 5-е отделение охраной было применено оружие, в результате был убит заключенный Жигайлов и ранен заключенный Дзюбук.

Того же 25 мая при этапировании заключенных 4-го лаготделения в количестве 16 человек в 5-е отделение за неповиновение охраной было применено оружие, в результате был убит заключенный Софроник Эмиль Петрович.

26 мая младший сержант Дятлов, 1931 г. рождения, призыва 1951 года, беспартийный, разводящий караул в производственную зону кирпичного завода, без всякого основания открыл автоматную стрельбу по заключенным, находящимся в жилой зоне 5-го лаготделения, в результате ранил 7 заключенных - Климчук, Медведева, Коржева, Надейко, Уварова, Юрке-вич и Кузнецова.

Эти факты озлобили заключенных 4-го, 5-го лаготделений в количестве 7000 человек, последние отказались выйти на работу, ведут себя крайне возбужденно, отказались выполнять распоряжение администрации лагеря, выставили категорическое требование о выезде московской комиссии...

27 мая 1953 г.

Начальник тюремного управления МВД СССР полковник М.КУЗНЕЦОВ

Применение в лагере оружия против заключенных требует служебного разбирательства. И оно было проведено... почти через месяц.

ДОКУМЕНТ №4

Заключение о применении оружия сержантом 78 отдельного отряда Дятловым к заключенным 5-го лагерного отделения

гор. Норильск

Заместитель начальника оперативного отдела тюремного Управления МВД СССР полковник Громов, зам. начальника 1-го отдела тюремного Управления МВД СССР полковник Теплов и начальник тюремного отдела УМВД по Красноярскому краю подполковник Поленов, рассмотрев материалы расследования о применении оружия сержантом 78 отдельного отряда Дятловым, в результате чего были ранены 7 человек заключенных 5-го лагерного отделения,

НАШЛИ:

26 мая 1953 года сержант 78 отдельного отряда Дятлов, находясь у жилой зоны 5-го лагерного отделения Горного лагеря, заметил группу заключенных-мужчин, которые из зоны 5-го лагерного отделения вели разговоры с заключенными-женщинами 6-го лагерного отделения, находящимися в смежной производственной зоне Кирпичного завода.

Имея целью прекратить разговоры между заключенными мужчинами и женщинами, Дятлов предупредил их, однако заключенные, не выполнив требования Дятлова, начали наносить ему оскорбления.

Вместо того, чтобы вызвать лагерную администрацию и через нее прекратить нарушение лагерного режима со стороны заключенных сержант Дятлов применил оружие и очередью из автомата ранил 7 человек заключенных, один из которых будучи раненым умер.

ПОЛАГАЛИ БЫ:

За неправильное применение оружия и нарушение советской законности сержанта 78 отдельного отряда Дятлова привлечь к уголовной ответственности.

Подписи:

А что же происходило в эти последние майские дни в самом лагере? Случай беспрецедентный - началось массовое неповиновение заключенных: отказ от выхода на работу, отказ от приема пищи, организация групп самообороны, выявление "стукачей"...

ДОКУМЕНТ № 5

В 16 часов 29 мая в зоне 5 лаготделения было собрание, на котором все заключенные на обращение к ним, что с ними будет разговаривать по поручению МВД СССР прибывший зам. начальника УМВД подполковник Зверев, заявили, что они ни с кем, кроме как с представителями Москвы и в частности прокурора, разговаривать не будут. Несмотря на разъяснения все заключенные тут же разошлись по баракам.

Начальник Тюремного управления МВД СССР полковник М.КУЗНЕЦОВ

ДОКУМЕНТ № 6

По состоянию на 6 часов утра 30 мая с. г. в 4, 5, 6 лаготделениях обстановка остается без изменений. Заключенные из трех лаготделений по-прежнему никаких активных действий не проявляют, питание не принимают.

М. Кузнецов

ДОКУМЕНТ № 7

По донесениям агента "Юрок" одними из руководителей волынки являются Омелянюк Владимир Яковлевич, 1922 г. рождения, уроженец села Тулечево Волынской области, осужден в 1944 году по статье 58-1а на 10 лет и Павлишин Лука Степанович, 1907 г. рождения, образование высшее, окончил Пражский университет, учитель, осужден по статьям 58-1а и 58-11 УК УССР на срок 25 лет.

М.Кузнецов

Обстановка в лагере накалялась, заключенные продолжали голодовку, требуя приезда комиссии из Москвы. Но администрация пока надеялась справиться собственными силами.

ДОКУМЕНТ 8

30 мая с.г. тт. Звереву, Семенову и Коваленко дано указание: заключенным, отказывающимся принимать пищу, питание не выдавать, что приведет к ослаблению их сопротивляемости и ускорит ликвидацию неповиновения. К отказчикам от работы физического воздействия не применять.

Перевод агентуры в лагерные отделения № 4, 5 и 6 из других лагерных отделений для разложеческой работы производить не следует, используя для этой цели проверенную агентуру из числа заключенных 4, 5 и 6 лаготделений...

Начальник Тюремного управления МВД СССР, полковник М.Кузнецов

К 1 июня, несмотря на стремление лагерной администрации, неповиновение заключенных распространилось и на другие лагерные отделения. В жилые зоны были введены 200 офицеров, однако их усилия по прекращению волнений также оказались безрезультатными.

Через два дня - 3 июня в Москву была отправлена телеграмма следующего содержания:

ДОКУМЕНТ № 9

...Учитывая, что все ранее принимаемые нами меры результатов не дали, а местные условия не представляют возможности провести какие-либо другие мероприятия, которые бы обеспечили успешную ликвидацию сопротивления и наведение порядка в лагере, прошу направить комиссию из центра.

Заместитель начальника Тюремного управления МВД полковник А.Клейменов

Ситуация в лагере окончательно вышла из-под контроля админист-рации. Ежедневные доклады об обстановке в лагере стали похожи на со общения с театра военных действий.

ДОКУМЕНТ № 10

Справка

По состоянию на 7 часов московского времени 3 июня положение в лагере следующее: 5-е лаготделение - заключенные никаких активных действий не проявляют, но внутренний распорядок не выполняют.

6 лаготделение (женское): заключенные начали принимать пищу. У столовой зачинщики сопротивления выставили пикеты и запрещают приходить желающим принимать пищу в столовой.

В 4 лаготделений внутренний распорядок выполняется, ведут себя настороженно, но активных действий не предпринимают.

В 1 лаготделений внутренний распорядок не выполняется, 1400 человек заключенных из зоны объекта и Медвежий Ручей не выходят.

Во 2 и 3 лаготделениях заключенные ведут себя спокойно, по оперативным соображениям на работу не выводятся.

4 июня 1953 г. А.Клейменов

Но спокойствие в 3-м лагерном отделении было кажущимся. Заключенные готовились к освобождению своих товарищей, находившихся в бараке усиленного режима (БУРе). Дальнейшие трагические события нашли отражение в деле.

ДОКУМЕНТ № 11

4 июня 1953 г. в 3-ем лаготделений заключенные-каторжане в 18 ч. 40 мин. взломали БУР и освободили 24 заключенных.

При освобождении пытались напасть на администрацию лагеря и солдат, забрасывали их камнями. В ответ на это было применено оружие, в результате 5 заключенных убито и 14 ранено.

А.Клейменов

Подробная информация о событиях в 3-м лаготделений изложена сухими строками материалов служебного расследования.

ДОКУМЕНТ № 12

Заключение о применении оружие личным составом охраны в 3-ем лагерном отделении 4 июня 1953 г.

26 июня 1953 г. пос. Норильск

Заместитель начальника Оперативного отдела Тюремного управления МВД СССР полковник Громов, заместитель начальника 1-го отдела Тюремного управления МВД СССР полковник Теплов, начальник Тюремного отдела УМВД Красноярского края подполковник Поленов, рассмотрев материалы расследования по случаю применения оружия личным составом 4-го дивизиона войсковой части 7580 по заключенным в 3-м лагерном отделении Горного лагеря МВД СССР,

НАШЛИ:

В июне 1953 года содержащиеся в штрафном бараке заключенные 3-го лагерного отделения из числа

уголовно-бандитствующего элемента в количестве 24 человек, сговорившись между собой, решили прорваться в жилую зону лагерного отделения.

В этих целях 4-го июня 1953 года в 17 часов 30 минут заключенные в момент выхода их к врачу, воспользовавшись открытой дверью, оттолкнули надзирателя, выбежали в коридор, сбили замки с других камер и освободили из них заключенных. Затем, поломав нары и печи, вооружились досками и кирпичами и стали выламывать выходные двери штрафного барака.

Прибывший в штрафной барак с группой офицеров и надзирателей начальник 3-го лагерного отделения капитан Тархов потребовал от заключенных прекратить беспорядки и разойтись по камерам, но заключенные, не выполнив этого требования, забросали лагерную администрацию кирпичами и, выломав запасную дверь, выбежали в зону штрафного барака.

Для оказания помощи лагерной администрации по усмирению буйствующих заключенных и водворению их в камеры из 4-го дивизиона в зону лагерного отделения была введена оперативная группа невооруженных солдат численностью 60 человек во главе с зам. командира дивизиона майором Фоменко которые, действуя совместно с лагерной администрацией, водворили этих заключенных в штрафной барак.

После неудачной попытки прорваться в общую зону, заключенные из окон камер штрафного барака стали кричать, что солдаты их убивают, призывая заключенных жилой зоны бить лагерную администрацию и оказывать им помощь в освобождении их из штрафного барака.

На эти призывы группа заключенных - каторжан численностью свыше 200 человек, подбежав к зоне штрафного барака, сломали деревянный забор и стали забрасывать находившихся там людей и офицеров камнями и кирпичами. В результате этого нападения девяти солдатам были нанесены побои. Пытавшемуся задержать этих заключенных и не допустить их к штрафному барачнику КВЧ лагерного отделения лейтенанту Безверхину также были нанесены побои заключенными.

Ввиду этого нападения заключенных солдаты и лагерная администрация вынуждены были отойти из зоны штрафного барака через основной забор в районе между 8 и 9 постами.

Во время выхода из зоны солдат и надзирателей группа заключенных до 500 человек, преследуя солдат, забрасывала их кирпичами, а отдельные заключенные призывали солдат стрелять в офицеров.

В момент нападения заключенных на охрану весь личный состав дивизиона был поднят по тревоге, а командирам команд и групп поставлена задача: оцепить зону цепочкой по всему периметру и в случае преодоления заключенными основного забора применять оружие.

Непосредственное руководство личным составом охраны на наиболее угрожающих участках зоны осуществляли: командир дивизиона майор Полостяной* и его заместитель майор Фоменко.

Когда преследуемые заключенными внутри зоны солдаты и надзиратели выбежали через основной забор за зону, большая группа заключенных в районе штрафного барака вплотную подбежала к предупредительному забору, и в этот момент солдаты в секторе между 8 и 9 постами без команды открыли по заключенным огонь, чем остановили их нападение.

** В других материалах его фамилия пишется Полстяной (прим. ред).*

В этот момент в зоне лагерного отделения около больницы заключенные схватили проходившего оперуполномоченного лейтенанта Воронцова и, толкая его в спину, повели по зоне лагеря.

Увидев нападение на Воронцова, солдаты открыли по нападающим стрельбу. Воспользовавшись этим, оперуполномоченный Воронцов сумел освободиться от нападающих и выбежать за зону.

В результате применения оружия было убито 4 и ранено 14 заключенных, двое из которых, будучи ранеными, умерли в больнице.

Согласно ст. 1 п. "е" общих положений и ст. 106 Инструкции, объявленной приказом МВД СССР № 00398-1948 года, применение оружия по заключенным в сложившейся обстановке действительно вызывалось необходимостью. Однако, офицерский состав, в том числе и командир дивизиона майор Полостяной, в момент нападения проявили растерянность и недостаточную подготовленность к действиям по тревоге, в результате чего личный состав дивизиона действовал неорганизованно и допустил беспорядочную стрельбу.

ПОЛАГАЛИ БЫ:

1. Оружие по заключенным 3-го лагерного отделения Горного лагеря МВД СССР личным составом 4-го дивизиона воинской части 7580 применено правильно.

2. За необеспечение должного руководства личным составом дивизиона в период ликвидации нападения заключенных, в результате чего была допущена беспорядочная стрельба, командира 4-го дивизиона воинской части 7580 майора Полостяного с занимаемой должности снять и использовать с понижением.

Верно: оперуполномоченный 3 отдела

Тюр. упр. МВД СССР - майор Глазов

В архиве удалось обнаружить справки с именами погибших заключенных. Возможно, до сегодняшнего дня их родные и близкие и не догадывались, как погибли эти заключенные. Приводим полный текст справок.

ДОКУМЕНТ № 13

Справка по личному делу заключенного Хомик А. Т.

Заключенный Хомик Андрей Тихонович, 1926 г. рождения, уроженец и житель села Волица Берестечковского района Волынской области, украинец.

Военным трибуналом войск НКВД Волынской области 11 мая 1945 г. по ст. 54-16 У К УССР осужден к 20 годам каторжных работ.

4 июня 1953 г. убит во время беспорядков в 3 лагерном отделении.

ДОКУМЕНТ № 14

Справка

по личному делу заключенного Деркач И. С.

Заключенный Деркач Игнат Селиверстович, 1923 г. рождения, уроженец и житель Почаевского района Тернопольской области, украинец.

Военным трибуналом гарнизона гор. Чертков 24 - 25 мая 1940 г. по ст. 54-1 а У К УССР осужден к 15 годам каторжных работ.

4 июня 1953 г. убит во время беспорядков в 3 лагерном отделении.

ДОКУМЕНТ № 15

Справка

по личному делу заключенного Прокопчук Р. И.

Заключенный Прокопчук Роман Иванович, 1923 г. рождения, уроженец с. Пивча, Мизочского района Ровенской обл., украинец.

Военным трибуналом войск НКВД Ровенской области 31 мая 1945 г. по ст. 54-1а УК УССР осужден к 15 годам каторжных работ.

4 июня 1953 г. убит во время беспорядков в 3 лагерном отделении.

ДОКУМЕНТ № 16

Справка

по личному делу заключенного Осташ Б. Н.

Заключенный Осташ Богдан Николаевич, 1925 г. рождения, уроженец села Ляцке-Шляхецке Пидгорное, Тысменецкого района Станиславской области, украинец, беспартийный.

Военным трибуналом войск МВД Львовской области 18 июля 1946 г. по ст. 54-1 а У К УССР осужден к 15 годам каторжных работ.

4 июня 1953 г. убит во время беспорядков в 3 лагерном отделении.

ДОКУМЕНТ № 17

Справка

по личному делу заключенного Попик И. И.

Заключенный Попик Иван Иванович, 1925 г. рождения, уроженец и житель с. Крупско Николаевского района Дрогобычской области, украинец.

Военным трибуналом войск НКВД Дрогобычской области 28 апреля 1945 г. по ст. ст. 54-1 а и 54-11 УК УССР осужден к 15 годам каторжных работ.

4 июня 1953 г. убит во время беспорядков в 3 лагерном отделении.

ДОКУМЕНТ № 18

Справка

по личному делу заключенного Прийдук И. А.

Заключенный Прийдук Иван Андреевич, 1921 г. рождения, уроженец, житель села Ценивка Козовского района Тернопольской области, единоличник, с низшим образованием, беспартийный.

Военным трибуналом войск НКВД Тернопольской области 13 июля 1945 г. по ст. 54-1а УК УССР осужден к 15 годам каторжных работ.

4 июня 1953 г. убит во время беспорядков в 3 лаготделении.

5 июня в Горный лагерь прибыла специальная комиссия из Москвы, которая начала свою работу с опроса заключенных.

ДОКУМЕНТ № 19

(Из отчета московской комиссии)

6 июня бригадой работников МВД СССР была проведена беседа с представителями 4-го лаготделения Горного лагеря. Вот что заявили заключенные: "...однажды нас троих закрыли в БУРе, куда пришел подполковник Сарычев, который заявил,- "что, гады, попались, мы перережем Вас". В тот же вечер "придурки" (т.е. ставленники администрации) в присутствии Сарычева избили нас железными палками".

"На морозе нам приходится быть по 14 часов, хотя рабочий день 10 часов. Старшина Михник заставляет садиться на снег, избивает, а капитан Налетов заявляет, что здесь нет Советской власти, она за тысячи километров..."

В 5-м лаготделении: "Администрация и охрана нарушают лагерные правила. Конвоиры убивают заключенных, убит бригадир Болтушкин, ранены женщины".

"Оперативные работники используют одних заключенных для того, чтобы очернить других. Лица, которые доносят, получают вознаграждение, и если нет материалов, они выдумывают их, чернят невинных людей, используются для избиений.

6-е (женское) лаготделение: "В нашем лагере в числе работающих за зоной женщин имеются лица, которые ранее предавали советских граждан и сейчас они преследуют нас (Мошталлер, Полцкова, Егорова, Волощук, Филимонова). Работая на строительстве аэродрома, многие женщины торговали своим телом, дабы иметь возможность существовать; в результате - бригада больных сифилисом. В прошлом году на 9 лагстрое и нынче на 64-м пикете на глазах у нас конвой расстреливал

заключенных в зоне".

"Разрешить двадцатипятилетникам вольное поселение, общение с мужчинами. Женщины забираются на вышки к конвою, поэтому от конвоя у заключенных женщин есть дети".

"Питание плохое, не хватает даже хлеба. Выдают только по 700 гр. хлеба, хотя в нормах указано 800 гр."

"На лицевом счете у нас есть деньги, однако нам их не выдают, если не выполнили нормы, в кино пускают только тех, кто выполняет нормы, с остальными же культурной работы не проводится".

Составил: зам. нач. 5 отдела УМВД капитан Ситов. Интереснейший по своей уникальности документ обнаружен в одном из томов дела о восстании в Горном лагере - письмо генерала Семенова заключенному Воробьеву. Раньше генералы с рядовыми заключенными не переписывались.

ДОКУМЕНТ № 20

Заключенному Воробьеву

Мне поручено передать через Вас заключенным 3-го лаготделения следующее:

1. Просьба о выезде в Норильск Правительственной комиссии в Москву была сообщена немедленно.

Никакой комиссии больше из Москвы не будет, так как находящаяся здесь Московская комиссия в составе полковника Кузнецова, генерал-лейтенанта Сироткина и Киселева уполномочена решать по Горному лагерю все вопросы.

2. Из Москвы получено указание предложить заключенным 3-го лаготделения прекратить неповиновение и восстановить в лаготделении нормальный порядок.

При этом условии дается гарантия, что никто из заключенных никаким репрессиям за месячное неповиновение подвергаться не будет; больше того, если при Вашей личной помощи и помощи других (руководителей восстания.- А.Д.) - Шамаева, Король, Гуль, Вилюк, Тарковсади и др. будет восстановлен порядок. Московской комиссии поручено пересмотреть дела на перечисленных выше лиц в сторону сокращения сроков наказания.

3. Если Вы повинуетесь этому указанию, полученному Московской комиссией из Москвы, то Московская комиссия согласна завтра 9 июля в 12 часов дня встретиться с представителями заключенных 3 лаготделения в жилой зоне у центральной вахты, для решения всех просьб и ходатайств заключенных...

Генерал Семенов

8 июля 1953 г. 16.00

Одновременно был составлен оперативный план, предусматривающий наведение порядка в 3-м лаготделении:

ДОКУМЕНТ № 21

План мероприятий по ликвидации беспорядков в 3-м лаготделении Горного лагеря

1. 10 июля 1953 г. в 14.00 выступить по радио перед заключенными 3-го лагерного отделения начальнику Горного лагеря МВД генерал-майору тов. Цареву.

Потребовать от заключенных 3-го лагерного отделения:

а) обеспечить беспрепятственный выход из жилой зоны всех инвалидов, подлежащих направлению на материк. Предложить инвалидам построиться у центральной вахты для этапирования в порт Дудинка, где уже стоит пароход "Мария Ульянова" под погрузкой;

б) немедленно снять флаги, вывешенные в лаготделении с провокационной целью;

в) немедленно снять вывешенные в жилой зоне все контрреволюционные лозунги и плакаты..

полковник Кузнецов генерал-лейтенант Сироткин полковник Киселев генерал-майор Царев

В числе других подлинных документов о выступлении заключенных в защиту своих прав имеется ответ из зоны 3-го лаготделения на предложения администрации.

ДОКУМЕНТ № 22

ПОЛКОВНИКУ КУЗНЕЦОВУ ГЕНЕРАЛУ ЦАРЕВУ И СЕМЕНОВУ

Ваши последние выступления по радио 10, 11 июля 1953 г. в силу своей несостоятельности не заслуживают никакого ответа. Но вопреки Вашему клеветническому утверждению о том, что мы не хотим разрешить наших вопросов мирным путем, мы отвечаем:

1. Наш законный протест против произвола и беззаконий, чинимых над нами на протяжении ряда лет различными должностными лицами и лично Вами на протяжении месяца, Вы называете мятежом и бунтом антисоветского характера.

2. Цитаты из передовой статьи газеты "Правда" за 6 апреля с.г. автором которой является зам. Генерального прокурора СССР генерал-лейтенант Вавилов и цитаты из статьи зам. Министра юстиции СССР Кудрявцева, а также ряд других лозунгов, говорящих о справедливости Советских законов, охраняющих права Советских граждан, Вы называете антисоветскими лозунгами.

3. Тот факт, что нами вывешены траурные флаги в знак глубокой скорби об убитых во время обстрела зоны 3 и 4 июня 1953 г. наших товарищей, Вы называете действиями провокационного характера.

4. Наши листовки, не содержащие никакого призыва к каким-либо противозаконным действиям, с которыми мы обращаемся к полноправным гражданам Норильска с просьбой сообщить Правительству СССР о произволе над заключенными в Норильске и наши обращения к солдатам охранных войск, которых мы просим не стрелять в безоружных людей, спокойно ожидающих Правительственную комиссию,- эти листовки Вы называете агитационно-провокационными прокламациями.

5. По неизвестным нам причинам по Вашему указанию неоднократно отключалась и вчера отключена была вновь электроэнергия, что пагубно отражается на лечении больных и раненых и на работе пищеблока...

7. По неизвестным причинам на протяжении месяца Вы дважды снижали нам норму основного питания, а сегодня вообще не дали хлеба.

Вот далеко неполный перечень Ваших "благоденствий", которыми Вы пытаетесь разрядить обстановку, создавшуюся в лаготделении. Кроме того, путем ложных обещаний, клеветы и угроз Вы принуждаете нас к тому, чтобы мы, пренебрегая элементарными доводами логики, поверили Вам, что все Ваши действия, перечисленные выше, направлены на улучшение нашего положения. Вполне очевидно для всякого здравомыслящего человека, что Вам этого от нас не дожидаться. Еще раз заявляем Вам, что положение, созданное не по нашей вине в нашем лаготделении администрацией лагеря и командованием охранных войск и усугубляемое Вами,- может изменить только Правительственная комиссия, которую мы ждем и, верим, дождемся.

Заключенные 3-го л/о

11.07.1953

Напрасно ждали заключенные Правительственную комиссию. Как же развивались события в Горном лагере? Ответ на этот вопрос мы найдем в том же деле. 29 июня московская комиссия объявила о ликвидации 5-го лагерного отделения, перевод заключенных на девятую (пониженную) норму питания. Была предпринята попытка организовать внутри жилой зоны дополнительные ограждения. Возмущенные заключенные начали сопротивление. произошли столкновения с охраной. Вновь пролилась кровь: 11 заключенных было убито, 36 - тяжело ранено (12 из них затем скончались).. Имена погибших, к сожалению, установить пока не удалось. Чем же закончилось выступление заключенных в Горном, лагере? Читаем один из последних документов дела:

ДОКУМЕНТ № 23

Министру внутренних дел Союза ССР генерал-полковнику тов. Круглову С. Н. Докладная записка о работе комиссии МВД СССР в Горном лагере гор. Норильск1. Оперативная обстановка в Горном лагере к моменту прибытия комиссии. На 5-е июня 1953 г. из имеющихся в Горном лагере 6 лагерных отделений заключенные прекратили работу и проявляли массовое неповиновение лагерной администрации в пяти лагерных отделениях, в которых содержалось 16378 заключенных.... 28 мая на работу не вышло 6-е женское отделение в количестве 3015 заключенных. Заключенные 4, 5 и 6 отделений 28 мая от приема пищи отказались, требуя приезда Московской комиссии. 31 мая все заключенные пищу начали принимать. 1 июня заключенные 1-го отделения отказались от работы. 5 июня 1953 года заключенные 3-го отделения не вышли на работу. Таким образом, к моменту приезда

Московской комиссии, т. е. 5 июня в пяти лагерных отделениях Горного лагеря, за исключением 2-го лагерного отделения заключенные на работу не выходили и лагерной администрации не подчинялись...5 июля неповиновение заключенных в 4-м отделении было полностью ликвидировано.7 июля по местной трансляционной сети начал выступать полковник Кузнецов, который объявил заключенным-женщинам о безнадежности продолжать волынку, что продолжение неповиновения влечет за собой усугубление ответственности...В ответ на все это заключенные женщины собрались в центре жилой зоны вокруг трех бараков, на которых висели черные флаги и, взявшись за руки, организовали сплошное кольцо в четыре ряда и начали кричать, свистеть, выть. Это продолжалось в течение 5 часов.Видя, что заключенные не выходят, а желающих выйти за зону, поместили внутрь этого живого кольца, комиссия МВД СССР приняла решение рассеять заключенных водой, для чего за зоной были установлены три пожарных автомашины и через ограду протянуты пожарные рукава, после этого была пущена вода сначала в 3 атмосферы, затем напор воды увеличился до 8 атмосфер. Сначала заключенные на пущенную воду не обращали никакого внимания и продолжали стоять, но когда напор воды достиг 8 атмосфер, живая цепь из заключенных дрогнула и стала пятиться от струй воды, в это время в жилую зону было введено 100 надзирателей и солдат без оружия, которые буквально растаскивали заключенных и выводили за зону, таким образом, заключенные были все выведены за зону. Некоторые оказывали упорное сопротивление, таких солдатам и надзирателям пришлось за зону выносить на плечах. За зоной все заключенные беспрекословно подчинялись требованиям охраны, были разбиты на группы по 100 человек и под отдельными конвоями разведены по тундре, где производилась проверка и изъятие организаторов, руководителей, активных участников и подстрекателей волынки. Всего изъято было 1000 человек, которые были помещены в отдельное помещение за жилой зоной. После этого все остальные заключенные были водворены обратно в жилую зону.Таким образом, волынка заключенных и 6-м женском лаготделении была ликвидирована, т.е. волынка заключенных в Горном лагере, за исключением 3-го лагерного отделения (каторжан) была полностью ликвидирована.В результате проведенных мероприятий во всех лагерных отделениях Горного лагеря было изъято 2920 заключенных, активно участвовавших в волынке. Из числа изъятых заключенных 45 человек арестованы как организаторы саботажа и 365 активных участников и подстрекателей оформлены для водворения на тюремный режим, 1500 заключенных переведены для дальнейшего содержания в Береговой лагерь гор. Магадан. Остальные 1010 изъятых заключенных размещены отдельно от всех других в двух вновь организованных лагерных пунктах...

полковник М. Кузнецов

генерал-майор А. Сироткин

полковник А. Киселев

полковник Г. Громов

полковник Ф. Теплов

полковник В. Михайлов

подполковник В. Краюхин

майор А. Богданов

1 сентября 1953 г.23

Так завершилось одно из первых крупных выступлений заключенных ГУЛАГа.

ИСТОЧНИКИ

1 ГА РФ. Ф. 9413. Оп. 1. Д. 158. Л. 98.

2 Там же. Л. 97.

3 Там же. Л. 6.

4 Там же. Л. 180.

5 Там же Л. 180.

6 Там же Л. 180.

7 Там же. Л. 28.

8 Там же. Л. 18.

9 Там же. Л. 22.

- 10 Там же. Л. 37
- 11 Там же. Л. 39
- 12 Там же. Лл. 149-152.
- 13 Там же. Л. 141.
- 14 Там же. Л. 142.
- 15 Там же. Л. 143.
- 16 Там же. Л. 140.
- 17 Там же. Л. 144.
- 18 Там же. Л. 139.
- 19 Там же. Лл. 56 - 60.
- 20 Там же. Лл. 103.
- 21 Там же. Лл. 68 - 73.
- 22 Там же. Лл. 91.
- 23 Там же. Лл. 162 - 180.